

Роман Афанасьев

Дикая охота

ОХОТНИКИ

Роман Афанасьев

Дикая охота

«Автор»

2022

Афанасьев Р.

Дикая охота / Р. Афанасьев — «Автор», 2022 — (Охотники)

Алексей Кобылин – охотник-одиночка. Его жертвами становятся духи, барабашки, оборотни – нечисть, что мешает людям спокойно жить. С тех пор как в пламени пожара сгорел его дом, Алексей скитается по подвалам и чердакам, и только страсть к работе поддерживает в нем боевой дух. Не зря же Кобылина называют паладином в сверкающих доспехах! Впрочем, не все так просто. На пути паладина встает самый сильный и безжалостный враг из всех, с кем Кобылину приходилось сталкиваться. И Алексею ничего не остается, как обратиться к союзнику, которого боятся смертные...

© Афанасьев Р., 2022

© Автор, 2022

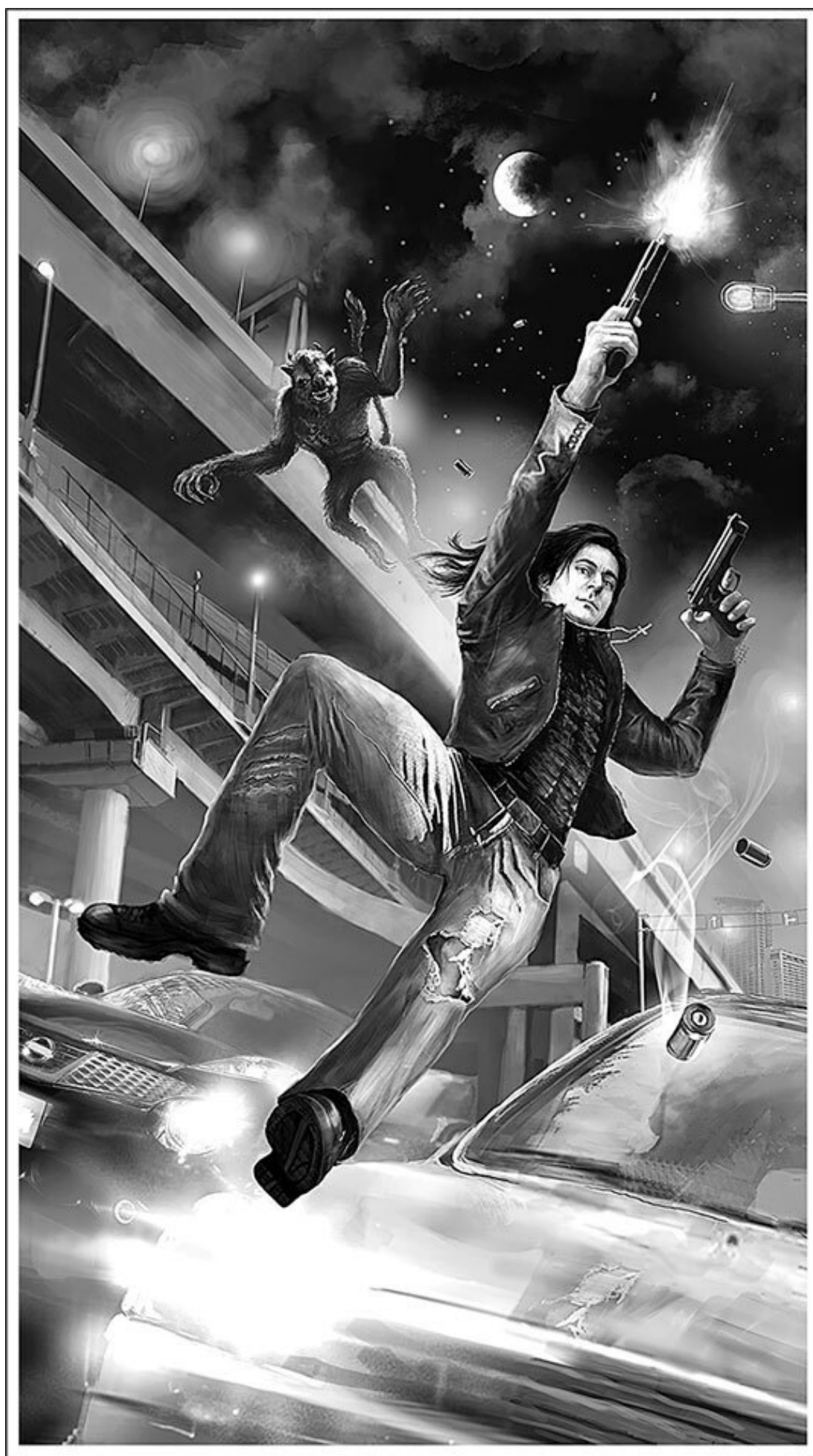
Содержание

Слишком долгая зима	34
Конец ознакомительного фрагмента.	60

Роман Афанасьев

Дикая охота

* * *

Вечер выдался необычайно холодным даже для ранней весны. Пусть она только-только вступила в свои права, пусть еще не отступило снежное воинство, все одно – в городе стало слишком холодно. Из черного провала беззвездного неба бесшумно сыпалась снежная крупа, оседая на сугробах, что и не думали таять. Крохотные снежинки поблескивали в желтом свете одинокого фонаря, который стоял у входа в парк подобно давно заброшенному за ненадобностью маяку. Узкая тропинка засыпана снегом, ветви кустов почти скрывают ее, а деревья с голыми черными ветвями простирают над тропинкой серые, мертвые до поры кроны. Казалось, здесь царят вечное уныние и запустение. Эта тропа словно бы вела в заброшенное лесное царство, из которого еще никто не вышел живым.

Зловещее впечатление сглаживало шоссе, что тянулось вдоль парка, и по которому то и дело сновали машины. Да и другая сторона улицы, плотно застроенная многоэтажками, тоже не внушала особого трепета. При одном взгляде на уродливые серые здания, пылающие разноцветными огнями, становилось ясно, что город никуда не делся. Он здесь. И тропинка в парк не более зловеща, чем самая обычная городская подворотня.

Высокий человек в бежевом пальто и темной кепке поправил поднятый воротник и отвернулся от улицы. Встал к ней спиной, чтобы ему был виден только черный лес да желтое пятно света на присыпанной снегом тропинке. Так центр города выглядел более загадочным.

Вскинув руку, человек бросил взгляд на часы, блеснувшие на запястье. Его лицо, желтое от света фонаря, помрачнело. Полночь. Он опаздывает. Всегда они опаздывают, всегда!

Мимо человека с ревом пронеслась черная машина, гладкая и блестящая полированной чешуей, как глубоководное существо. Мигнув алыми стоп-сигналами, она растворилась в ночи, и человек обеспокоенно вскинул голову. Из темноты ему навстречу вышел молодой парень в дутой фиолетовой куртке и в шапочке с симпатичным помпончиком. Пареньку на вид было лет двадцать. Он шел, что-то насвистывая себе под нос и покачиваясь в такт музыке. Увидев человека в бежевом пальто, паренек широко улыбнулся и помахал рукой.

– Опоздываете, – сухо бросил человек в пальто, когда паренек подошел ближе.

– Да ну! – бодро отозвался тот. – Еще вся ночь впереди! Вы – Виктор Петрович?

– Да, – с явным неудовольствием отозвался человек в пальто. – А вы – Гоблин?

– К вашим услугам, – отозвался паренек, отвесив шутовской поклон.

– Тогда, полагаю, пора начинать, – отозвался Виктор Петрович.

Сунув руку за широкий отворот пальто, он вытащил белый лист бумаги, на котором виднелась грубо нарисованная от руки карта.

– Тю! – ухмыльнулся Гоблин. – Лучше было с сайта распечатать.

– Так... более атмосферно, – немного смешавшись, отозвался Виктор Петрович.

– Ладно, ладно, – бросил Гоблин, потирая ладони. – Что там сегодня?

– Задание, – громко объявил Виктор, читая прямо с листа. – В нынешнюю полночь направиться в парк Оселковый, найти черное дерево с провалом, что стоит рядом с источником живительной влаги, отмерить от него полста шагов на север, и в укрытии потаенном, железном, найдете то, что следует. Клад будет спрятан надежно, но не отчаивайтесь, храбрые искатели, следуйте подсказкам и обретете искомое. Будьте осторожны в этот час, когда силы тьмы безраздельно властвуют над...

Виктор Петрович закашлялся и строго глянул на Гоблина.

– Безобразие, – сказал он. – Не могут нормальный текст написать. Зачем же так драть из классики целыми кусками.

– Какой классики? – натурально удивился Гоблин, вскинув жидкие светлые брови.

Человек в бежевом пальто тяжело вздохнул и махнул рукой, признавая свое поражение.

– Пора идти, – сказал он, разглядывая карту. – Куда сначала?

– Прямо, – решительно отозвался паренек. – Сначала до ларька с чебуреками, а от него к лавочкам. Знаю я это дерево, в прошлом году закладка была именно там.

Виктор Петрович едва заметно вздохнул, печально и устало. Потом опустил руку с листком бумаги и шагнул на свежий снег.

– Стой! – воскликнул Гоблин. – погоди!

– Что еще? – недовольно отозвался мужчина, оборачиваясь к собеседнику.

– Оружие! – провозгласил паренек. – У нас же игра! И есть указание опасаться сил зла. Значит, кто-то из мастеров может отыграть эти самые силы тьмы.

– Ах да, – мрачно произнес Виктор Петрович. – Оружие.

Он сунул руку в карман плаща и вытащил пистолет из желтого пластика. Размером он напоминал настоящий, но выглядел так по-детски, что никто, пребывая в здравом уме, не принял бы его за настоящий.

– А, с присосками, – Гоблин хмыкнул. – Да. Ну, это. Наверно, сойдет. А у меня – вот.

Резким движением он выхватил из-за пазухи огромный черный револьвер и прицелился в сторону леса. В его левой руке появился фонарик, который вспыхнул ослепительно-белым светом.

– Стоять! – рявкнул Гоблин. – Всем немедленно выйти из леса!

Виктор Петрович незаметно прикрыл глаза, борясь с желанием закрыть лицо ладонью.

– До чего дошли современные нравы, – едва слышно, себе под нос, пробормотал он. – Куда подевалось достоинство и самоуважение? Осталось только шутство.

– Что? – переспросил Гоблин, водя перед собой черным револьвером. – Нравится? Шесть зарядов, батарея в рукоятке, пуляет так, что синяки оставляет!

– Да, – громко произнес Виктор. – Очень нравится. Но нам пора идти.

– В путь! – провозгласил Гоблин. – И пусть все силы тьмы...

Виктор Петрович повернулся и решительно направился в глубь парка, отчаянно хрустя снегом.

Гоблин припустил следом. Виктор шел быстро, поглядывая на карту и стараясь не обращать внимания на то, что его спутник тычет в темноту своим оружием, изображая стрелка с Дикого Запада. Виктору Петровичу стало даже немного стыдно за своего напарника. Нет, конечно, каждый развлекается как умеет, но это уже выходит за рамки. Это уже не забава, это инфантилизм во всей красе.

Они не разговаривали. В полном молчании спутники пересекли освещенную часть тропинки и углубились в темноту парка. Тут пригодился фонарик Гоблина, что озарял путь не хуже строительного прожектора. Идти было довольно легко. Людей кругом не было – мало кто отваживался прогуляться в полночь по этой заброшенной части парка. Место глухое, недоброе. Красотой не одарено, разглядывать тут нечего, тем более что на дворе почти зима, вот и нет никого в этом парке.

Ларек с чебуреками, оказавшийся давно заброшенной железной будкой, был закрыт. И, судя по виду, не открывался уже года три. В полном молчании спутники обошли его стороной и углубились в лес. На этот раз вперед выдвинулся Гоблин.

– За мной, – сказал он, махнув рукой. – Я знаю дорогу! Тут уже близко.

И он весело, вприпрыжку, поскакал по глубокому снегу. Виктор Петрович отстал – его теплые ботинки щедро черпали снег, и он старался идти осторожнее. Впрочем, это не помогло. На втором сугробе он все-таки набрал полные ботинки снега и сдавленно чертыхнулся.

– Что? – подал голос Гоблин, убежавший вперед и светивший из темноты фонариком. – Застряли?

– Иду, – откликнулся его спутник. – Уже иду.

– Тут рядом, метров десять осталось, – дружелюбно отозвался паренек, поджидая своего напарника. – Там дерево такое, с дуплом. А от него уж близко до закладки. Сказано, что клад в железе – опять, наверно, в урну запихнули.

– В урну, – пропыхтел Виктор Петрович, принаравливаясь к бодрому шагу спутника. – В урну!

– А что делать, – серьезно отозвался Гоблин. – Игра.

Пару минут шли молча. Дорожки под ногами больше не было, и им приходилось шагать по нетронутому снегу. Кругом ни огонька – только темнота, из которой свет фонарика выхватывал то изломанные ветви кустов, то голые, мокрые стволы деревьев. Темнота – хоть глаз выколи, и без фонарика, что так удачно захватил с собой Гоблин, спутникам пришлось бы туго.

– Полезная вещь, – наконец сказал Виктор, – надо себе такой завести.

– Пустяки, – отозвался паренек. – В любом ларьке продается.

Сделав еще пару шагов, он поежился.

– Виктор Петрович, – сказал он. – Я хотел спросить... Зачем это вам?

– Что? – переспросил тот, не сбавляя шага.

– Все это, – ответил паренек, махнув рукой.

– А, – сухо отозвался мужчина. – Ну, это, знаешь, немного волнует кровь. Заставляет чувствовать себя живым.

– Чувствовать себя живым, – печально повторил Гоблин.

– А тебе? – с интересом спросил мужчина. – Зачем тебе все это шутовство, скоморошество? Вы же не ведете себя так в обычной жизни?

– Не знаю, – совершенно серьезно отозвался молодой человек, замедляя шаг. – Быть может... это тоже заставляет меня чувствовать себя живым.

Он сделал пару шагов вперед, опустил фонарик, подсвечивая белый наст под ногами. Виктор Петрович замешкался, пробираясь сквозь очередной сугроб, немного отстал...

– Извините, Виктор Петрович, – произнес Гоблин.

Фонарик упал в снег, мазнув лучом по черным зарослям кустов. Гоблин резко обернулся, вскинул руки и рванулся к своему спутнику. Его лицо, подсвеченное упавшим фонариком, исказилось. Глаза залило алым, рот распахнулся жадным провалом, из которого выглянули два длинных клыка, острые, как иглы. Гоблин двигался быстро и бесшумно, как призрак, сорвавшийся с адской цепи. В мгновение ока он оказался перед Виктором, успевшим поднять руку, и заревел, как дикий зверь. И тут же задохнулся, когда полметра кованой стали пробили ему грудь – там, где когда-то билось сердце. Рев перешел в стон, руки с отросшими ногтями опустились. Ноги Гоблина стали ватными, ослабли, и он рухнул на колени перед Виктором Петровичем, сжимавшим в руке короткий меч с узким лезвием, что полностью вошло в грудь упыря.

– Вы, – прохрипел Гоблин, – вы...

Виктор Петрович рывком вытащил меч из груди чудовища, и блестящее лезвие, усеянное замысловатыми завитками древних письмен, сверкнуло в луче фонарика.

– Как низко пали нравы, – печально сказал Виктор Петрович, поправляя очки. – Никакого самоуважения, даже у принцев тьмы.

– Я не... – прохрипел Гоблин, протягивая руку к своему спутнику.

Виктор Петрович взмахнул мечом, и лезвие, сверкнув, обрушилось на упыря. Тот взвизгнул, когда клинок отсек руку у самого плеча, а потом умолк, когда меч пылающей полосой рубанул его по самому горлу.

Обезглавленное тело повалилось под ноги Виктору Петровичу, забрызгав полы его плаща тягучей черной жижей. Тот безгласно перешагнул через содрогающегося упыря, медленно, хрустя снегом, подошел к упавшему фонарику и поднял его. Обведя пылающим лучом крохотную полянку, скрытую от посторонних глаз зарослями кустов, Виктор Петрович едва заметно хмыкнул.

– Подойдет, – вслух решил он. – Достаточно близко к точке.

Он сунул фонарик в сугроб – так, чтобы тот освещал мертвое тело упыря, и зашагал обратно. Остановившись около Гоблина, мужчина взялся за рукоять меча обеими руками и воздел его над головой. А потом резко опустил. И еще раз. И еще.

Черная жижа из тела упыря разлеталась в стороны тяжелыми каплями. Бежевое пальто миг покрылось черными пятнами, но Виктор ожесточенно рубил труп, сжимая зубы. Наконец, выдохнувшись, он распрямился и, тяжело дыша, осмотрел дело рук своих.

Тело было изрублено в куски, что плавали в черной жиже, перемешанной со снегом. От Гоблина остались только истерзанные останки, ничем не напоминавшие облик человека. Куртка, штаны, шапка – все это превратилось в бесформенные лохмотья, перемешанные с темной плотью.

Удовлетворенно кивнув, Виктор склонился над этой мешаниной и начал осторожно раздвигать куски мечом, что проходил сквозь плоть упыря, как нож сквозь масло.

Выложив куски, оставшиеся от Гоблина, относительно ровным кругом, Виктор Петрович перехватил меч поудобнее и в самом центре черного месива принялся чертить паутину из коротких линий. Он тихо напевал себе под нос странную мелодию. Дело шло не так легко, как ему хотелось, и вскоре с раскрасневшегося лба мужчины покатались крупные градины пота. Но он не прервался ни на миг. Наконец, прочертив последнюю линию, Виктор с явным облегчением выдохнул и с размаху воткнул меч в замаранную землю, словно ставя точку в долгой и нудной работе.

Отойдя на пару шагов в сторону, Виктор поправил очки, испачкав щеку в черной жиже, что покрывала его пальцы плотным слоем. Воздев руки к черному небу, мужчина повернулся к останкам упыря и тихо запел мелодию без слов. Она все убыстрялась и убыстрялась, пока не слилась в единый неразборчивый гул. В момент наивысшего напряжения Виктор вскрикнул – отчаянно и зло – и упал на колени. Простирая руки к мечу, воткнутому в останки упыря, он прошептал:

– Приди! Приди же!

Ответа не было. Виктор Петрович, дыша тяжело и натужно, как загнанный зверь, оперся руками о землю. Исподлобья, зло и пронзительно, он глянул на рукоятку меча, блестящую в свете фонарика.

– Не может быть, – прошептал мужчина. – Я все сделал, все...

Изрубленные куски плоти полыхнули багровым пламенем. От них повалил черный дым, и снег с шипением раздался в стороны, обнажая черную сырую землю. Меч задрожал, а потом ухнул вниз, словно провалился в невидимую дыру.

– Да! – воскликнул Виктор, рывком поднимаясь на ноги. – Да! Приветствую тебя...

Его тело сорвалось с места, словно получив удар в грудь. Виктор Петрович отлетел назад и с хрустом ударился спиной о дерево, стоявшее позади. Он даже не вскрикнул – не успел. Ему не дали коснуться земли. Новый рывок швырнул мужчину к соседнему дереву, и на этот раз его тело с глухим хрустом хлопнулось о ствол. Толстая обломанная ветка пронзила его спину, вышла из груди, и Виктор забился в судорогах, насаженный на ветку, как бабочка на иглу. Он так и не успел ничего сказать – из раскрытого рта потоком хлынула кровь, голова мужчины вздрогнула, ударилась о заиндевший ствол. Очки в тонкой оправе упали в снег. Парк замер.

В наступившей тишине было слышно, как трещат горящие останки упыря, распространяя клубы зловонного дыма. Свет фонарика, так и оставшегося лежать в сугробе, померк, словно батарейки успели сесть за краткие секунды кровавого пиршества.

Виктор Петрович пошевелился, и дерево захрустело, словно пытаясь сбросить с себя чудовищную ношу. Мужчина в бежевом пальто поднял голову и взглянул на окровавленный сук, торчащий из груди. Потом уперся ногами в ствол, оттолкнулся и, сорвавшись с ветки, упал в снег. Тут же, без всякой паузы, без стонов и воплей, он поднялся на колени и медленно

встал. Выпрямившись, не торопясь, спокойно, обвел взглядом изуродованную поляну. Его бесстрастный, ничего не выражающий взгляд на секунду задержался на останках упыря. Потом тело человека в бежевом пальто развернулось, четким движением выхватило из сугроба очки в тонкой оправе и водрузило их себе на нос.

Затем Виктор Петрович медленно пошел прочь, хрустя свежим снегом. На поляне, в облаках зловонного дыма, догорали останки упыря. Когда фигура в бежевом пальто, что стало пятнистым из-за черной жижи упыря и крови владельца, растворилась среди голых стволов, фонарик мигнул последний раз и погас. На изуродованную поляну обрушилась темнота, ставя точку в затянувшейся игре.

* * *

Кулак ткнул точно в скулу, и голова Кобылина мотнулась от удара. В глазах вспыхнуло маленькое солнце, но Алексей уже дернулся в сторону, уходя от второго выпада, которого даже не видел, но предугадал. Мимо скользнула голая волосатая рука, локоть мазнул по носу, чуть не своротив его набок, и Кобылин отпрыгнул в сторону, прочь с линии атаки. Шагнул назад, вскинул руки, защищаясь от удара, замотал головой, пытаясь прийти в себя.

Перед глазами все плыло, левый глаз, опухший от удара, видел плохо, и Кобылин щурился, пытаясь разобрать в полутьме движения противника. Низкий потолок подвала давил на плечи, одинокая лампочка, свисавшая с потолка на длинном шнуре, не столько помогала, сколько мешала. Она освещала только большой кусок бетонного пола, а углы огромной комнаты оставались в темноте. Там, вдоль стен, растеклась толпа, что окружала дерущихся плотным кольцом. Десятки тел – взволнованных, разгоряченных, исходивших мерзким запахом пота и дешевого спиртного. Кобылина подташнивало от этой гадской смеси, но это было еще не самым страшным. Гораздо хуже было то, что толпа не молчала. Нет, орать во все горло они не решались – подвал, где проходили тайные бои, находился под офисным зданием, стоявшим на оживленной улице. Но все-таки они умудрялись бросать короткие фразы злым шепотом, пытаясь натравить бойцов друг на друга. Слабак! Давай! Ввали ему! Мочи гада! Врежь еще разок! По сопатке уроду... Это были самые приличные выражения, что градом сыпались на вспотевших драчунов. Злой шепот толпы сливался в равномерный гул, что давил на уши Кобылину, заставляя его мотать головой. Ему и так крепко досталось, а тут еще и вонь, и эти омерзительные голоса толпы, жадной до чужих страданий. Алексей чувствовал себя ослабшим. Больным. Проигравшим.

Его противник – здоровенный мужик с округлой бородкой, налысо бритый и довольно упитанный – не очень-то и спешил. Он медленно приближался к Алексею, переминавшемуся с ноги на ногу, подняв кулаки к самому лицу. На нем были только боксерские трусы – больше ничего. Жирное брюхо, поросшее черным волосом, подрагивало, и Алексея чуть не стошнило от этой картины. Не надо было пить перед боем. Ох, не надо было...

Кобылин сделал пару шагов в сторону, потом в другую. Заметался перед наступавшим громилой, словно загнанная в угол мышь. Он и правда выглядел задохликом на фоне этого бугая. Перед боем Алексей стянул свитер, оставшись только в джинсах и белой футболке, пожелтевшей от пота, и теперь выглядел оголодавшим школьником, что раздражил уличного хулигана. Его широкие плечи были опущены, Кобылин сутулился, ожидая нового удара, а жилистые руки беспомощно месили воздух, словно не зная, чем себя занять. Все должно скоро кончиться. Скоро.

Здоровяк, сжав огромные кулаки, ринулся вперед, как разъяренный носорог, грозя смести своего противника с дороги. Кобылин шагнул в сторону, пригнулся, пропуская над собой волосатую руку, дернулся вниз, уходя от второго удара, и тут же получил удар ногой в живот.

Алексея сложило пополам, швырнуло в сторону. Он упал на бок, проехался по полу и замер, беспомощно хватая воздух разъяренным ртом.

Над головой гудела толпа, но в ушах у Кобылина стоял колокольный звон. Он почти не понимал где он и что делает. Чьи-то руки ухватили его за плечи, рывком подняли на ноги. Алексей забормотал слова благодарности, и тут же сильный пинок в спину швырнул его обратно в круг света, прямо в руки здоровяка. Кобылин споткнулся, нырнул носом вперед, чуть не угодив головой в живот бугая. Но тот ловко ухватил Кобылина за плечи, сунул его голову себе под мышку. Алексей, согнутый пополам, видел перед собой лишь толстые белесые ноги врага. Босые, с давно не стриженными ногтями. Вот одна нога дрогнула, пошла вверх... Кобылин инстинктивно дернулся, успел наложить на колено противника обе ладони. Удар не получился – колено бесполезно ткнулось в подставленные руки, не причиняя вреда. Еще удар – и с тем же результатом. Разъяренный бугай приподнял Кобылина, с ревом оторвал его от пола и швырнул в сторону.

Алексей покатился по бетонному полу, влетел с размаху обратно в толпу – и тотчас десяток рук выпихнули его обратно в круг. Кобылин приподнялся на ободранном локте, вскрикнув от боли, и в тот же миг перед его лицом появилась пятка. Огромная, с ороговевшей кожей, отвратительная на вид. Время словно остановилось, замерло, растянулось, как густое варенье, переливающееся через край чайной ложки. Алексей успел вскинуть руку, сунуть ладонь между пяткой громилы и своей щекой... А потом перед глазами зажглось солнце и тут же погасло.

Открыв глаза, Кобылин застонал. Над ним нависал низкий закопченный потолок, в ушах стоял гул, а перед глазами плавали зеленые и синие круги. Болело все – руки, ноги, колени, спина. И – щека. Вся левая сторона лица опухла, превратившись в пульсирующую болью оладью. Во рту стоял противный сладковатый привкус крови, левую ноздрю заложило, а левый глаз почти ничего не видел сквозь узенькую щелочку распухших век.

Приподнявшись на пылавшем от боли локте, Алексей огляделся, зажмурив болевший глаз. Оказалось, что он лежал у самой стены, в дальнем темном углу подвала, превращенного в бойцовский зал. В центре, в ярком свете желтой лампочки, толпились люди, громко приветствуя новых бойцов – двух сухощавых пареньков в кимоно. Бритоголового бугая нигде не было видно, а про Кобылина, проигравшего бой, уже забыли. Оттащили к стене и бросили, как ненужное тряпье, отслужившее свой срок.

Зашипев от боли, Алексей сел. Осторожно потрогал левую щеку и скривился. Потом, скрипя зубами, поднялся на ноги и, опираясь рукой о шершавую стену, похромал в противоположный угол, к едва заметному провалу, ведущему в соседний подвал. Все было кончено. Настало время уходить.

У распахнутой двери, через которую побежденные покидали зал, его остановили. Крепыш в кожаной куртке ухватил Кобылина за руку, да так, что охотник, едва державшийся на ногах, чуть не упал. Мужчина, походивший на округлый плотный шарик, развернул проигравшего бойца к себе и взглянул в разбитое лицо.

– Ну? – буркнул Алексей, разглядывая крепыша, что показался ему смутно знакомым.

– Это ты, – бросил тот. – Я видел тебя в зале на Динамо. Два месяца назад. Помнишь схватку с парнем из СОБРа? Вы еще сначала шутили, а потом сошлись всерьез.

– Не помню, – мрачно отозвался Кобылин.

– Брось, – крепыш нахмурился. – Я видел, какие штуки ты там выделявал. Скакал, как акробат, этот громила тебя и пальцем не мог коснуться. Ты же часто в том зале бываешь, да? Ты что творишь-то?

– Что? – Кобылин искренне удивился.

– Ты мог за минуту уделать этого жирдяя! Ты что, поддался? Или под кайфом? Что с тобой такое?

– Болею.

– Чем?

– Всем.

Кобылин нахмурился и бросил злой взгляд на крепыша с широким красным лицом. Тот демонстративно потянул носом воздух, и Алексей с мрачным видом выдернул руку из хватки собеседника. Повернувшись к нему спиной, охотник захромал в темноту соседнего подвала, шаркая ногами по полу, как старик.

– Зря, – донеслось ему в спину. – Ну и зря.

Кобылин остановился. Замер, прислушиваясь к самому себе, а потом, так и не обернувшись, покачал головой и шагнул в темноту.

Опираясь на стенку, Алексей заторопился к светлому пятну в противоположном углу комнаты, которую пересекали огромные трубы, обмотанные стекловатой. Перешагивая через них, Кобылин чуть не упал, но, зарывав от боли в ободранной коленке, смог удержаться на ногах. Оттолкнувшись от стены, он быстро зашагал к распахнутой двери, из которой лился поток желтоватого света, стараясь не качаться на ходу.

В крохотной комнате, что была освещена единственной лампочкой, его уже ждали. За ободраным столом, напоминавшим школьную парту, сидел худой чернявый паренек в дутом китайском пуховике. Тот был распахнут на груди, и под ним виднелась черная футболка.

– А, – протянул тот, увидев Кобылина. – Давай, сюда иди.

Кобылин послушно подошел к столу и встал перед ним, чуть скривившись набок от боли в спине. Паренек покрутил длинным горбатым носом, почесал небритую щеку и взглянул на гостя снизу вверх.

– Ладно, – сказал он наконец, запуская руку в карман. – Как договаривались.

Алексей молча кивнул. Паренек вытащил из нагрудного кармана пуховика тысячу рублей и швырнул ее на стол перед собой. Кобылин медленно протянул руку, непослушными пальцами сграбастал бумажку, смял ее в кулаке и спрятал дрожащую руку в карман джинсов.

– Иди, одевайся, – бросил парень, скорчив брезгливую гримасу. – Придешь на следующей неделе.

Кобылин, не решаясь подать голос, покорно кивнул и зашаркал в угол. Там, на старом деревянном стуле, лежала груда тряпья – его одежда. Алексей медленно, кривясь от боли, натянул грязный черный свитер, набросил сверху старую китайскую ветровку и натянул синюю вязаную шапочку на самые глаза. Потом, так и не сказав ни слова, подошел к деревянной двери и, распахнув ее, вышел в узкий коридор, чьи стены были выкрашены в грязно-зеленый цвет. Бросив взгляд в дальний конец коридора, туда, где виднелась еще одна дверь, Алексей покачал головой и начал подниматься по кирпичным ступенькам, ведущим к выходу.

Снаружи оказалось страшно холодно. Ветер, гулявший по пустой ночной улице, резал щеки словно ножом. Забравшись под дырявую куртку, он вцепился в разгоряченное тело Кобылина не хуже ледяного демона. Алексей поежился, задумчиво бросил взгляд вдоль домов, на пустую дорогу, потом развернулся и похромал к перекрестку. Он шел вдоль серых стен старых домов, не поднимая взгляда на редких прохожих, что даже ночью спешили куда-то по делам. Шаркая старыми кроссовками по обледеневшему асфальту, Кобылин дошел до перекрестка, но не стал переходить дорогу, свернул в сторону, к одинокой палатке со всякими разностями, что притаилась в тени огромного здания. Здесь ветер был не таким сильным, и Алексей, подходя к светящемуся разноцветными огоньками ларьку, расправил плечи.

Внимательно осмотрев витрину, украшенную новогодними гирляндами, которые, похоже, никто и не собирался снимать, Алексей скупостукнул в закрытое окошечко. Деревянная заслонка со скрежетом распахнулась, и в лицо Кобылину ударил поток тепла и света.

– Одну за стописят, – прищурившись, буркнул Алексей.

Он сунул руку с заветной тысячей в окошечко и нагнулся, внимательно следя за продавщицей, отсчитывающей сдачу. Та бросила хмурый взгляд на опухшее лицо покупателя, быстро

сунула сдачу в протянутую руку, а потом подала бутылку. Кобылин ухватил свою покупку, еще исходившую теплом, и ловко сунул ее за пазуху. Деньги отправились во внутренний карман в тот самый миг, когда окошечко ларька захлопнулось. Все заняло не больше минуты.

– Раз, – хрипло произнес Кобылин, – и ты уже на дне.

Развернувшись, он двинулся прочь от ларька, сутулясь под порывами ледяного ветра. Теперь он хотел только одного – как можно быстрее оказаться в тепле. В подвале или хотя бы в подъезде, у батареи.

– Уважаемый!

Кобылин подпрыгнул, когда за спиной раздался голос, и резко обернулся, прижимая руки к груди, словно пытаясь защитить деньги, заботливо упрятанные во внутренний карман куртки.

– Подождите, уважаемый!

Алексей не поверил своим глазам – к нему обращался паренек в длинном черном пальто. Шапки на нем не было, и аккуратная светлая челочка намокла от хрупкой снежной пыли, что медленно падала с ночного неба. Выглядел паренек как менеджер из офиса – чистенький, аккуратненький, в руке портфельчик из кожи, а из-под ворота пальто выглядывает белый воротник рубашки.

– Я? – искренне удивился Кобылин.

– Да, вы, – улыбаясь во весь рот, отозвался паренек, подходя ближе. – Подождите. У меня есть к вам деловое предложение.

– Чего? – хрипло отозвался Алексей. – Какое предложение?

– Предлагаю сотрудничать с нашей компанией, а не с этими, – паренек махнул рукой в сторону улицы, с которой пришел Кобылин, – жуликами.

– Какая компания? Какие жулики?

Паренек подошел ближе и понизил голос, словно боясь, что его подслушают.

– Вы же выходите на бои в том зале?

– Каком зале?

Паренек широко улыбнулся, чуть нагнулся к Кобылину и доверительно зашептал:

– В зале Бобров. Не отпирайтесь, не надо. Всем известно, чем они там занимаются. Так вот, мы хотим предложить вам сотрудничать не с ними, а с нами. Условия намного лучше.

– Какие условия? – Кобылин нахмурился. – Ничего не понимаю.

Паренек все так же широко улыбался, но уголки его губ немного обмякли, и он стал похож на страшно усталого человека.

– Давай по-деловому, – сухо сказал он. – Сколько Бобры платят – тысячу? Давай так – дерешься у нас, получаешь две тысячи в любом случае. Даже если проиграешь. Победишь – точно получишь четыре, а если собрал толпу, то и больше.

– А, – коротко отозвался Кобылин. – Понимаю.

– Вот и отличненько. – На лице паренька снова засияла улыбка.

– Но, – протянул Кобылин, – я тебя не знаю. А их – знаю.

Паренек тяжело вздохнул, но потом взял себя в руки и снова улыбнулся, уже немного кривовато.

– Все то же самое, – терпеливо повторил он. – Зал, бой, зрители. Но лучше. Жратва бесплатно. Каждый день. И если надо – есть свой угол. В подвале, комнатка. Тепло, можно спать и есть. Днем спишь, ночью дерешься. Дошло?

– А почему мне к вам-то идти? – пробормотал Кобылин, опасливо отодвигаясь в сторону. – Зачем к вам-то?

– Потому что у нас лучше, – сквозь зубы процедил парень. – Жратва и бабки, понял? Только начинаем, людей у нас мало, нужны люди, чтобы бои каждый день шли, а не только по выходным. Понял?

– Понял. – Алексей сердито хлопнул расквашенным носом. – Не дурак.

– Вот и молодец, – отозвался паренек.

– А в чем подвох-то? – спросил Кобылин. – Бабла даете больше, жратву... Почему вы добрые такие?

– А! – Паренек, вопреки ожиданиям Алексея, снова ухмыльнулся. – Есть подвох, да. Условие – к Бобрам в зал больше не ходишь. Никогда.

– Понял, – Кобылин закивал. – Это типа вы меня перекупаете.

– Так и есть, – обрадованно выдохнул блондин. – Молодец, въезжаешь. Ну что, пойдём?

– Прямо сейчас? – засомневался Кобылин.

– А чего тянуть, – ухмыльнулся паренек. – Пойдём сразу к нам. Там тепло. Поешь, отспишься пару дней, потом на бой. Или тебя кто ждёт?

– Нет, – Алексей медленно покачал головой. – Не ждёт.

– Ну вот, – бросил блондин. – Пошли, пока я добрый. Тут на маршрутке пару остановок, и будет наш клуб.

Кобылин зябко поежился, оглянулся по сторонам. Холодный ветер гулял по пустой ночной улице, поднимая с тротуара мелкую снежную поземку. Здесь было холодно и неудобно.

– Пойдём, – сказал наконец окончательно продрогший Кобылин. – Веди.

Блондин рассмеялся, хлопнул собеседника по плечу и, развернувшись, двинулся к перекрестку. Алексей тяжело вздохнул, устроил поудобнее бутылку во внутреннем кармане и побрел следом за неожиданным спасителем.

Ему хотелось в тепло. И ещё – есть.

* * *

Застонав от боли, Кобылин попытался разлепить глаза. Левый так и не открылся, лишь боль вспышкой молнии вонзилась в глазницу. А правый, распахнувшийся ещё шире, не увидел ничего.

Алексей в панике заворочался, понял, что лежит на спине, и вытянул перед собой руку, пытаясь нашарить хоть что-нибудь. Перед ним в темноте мелькнуло светлое пятно – собственная кисть. Кобылин с облегчением вздохнул и медленно сел, постанывая от боли во всем теле.

Охотник чувствовал себя так, словно его, как срезанный пучок пшеницы, молотили цепом. Руки, ноги, лицо, бока, спина, голова... Но хуже всего то, что в горле развели костер. Запалили настоящий пионерский костерок выше сосен да и бросили догорать. Теперь сухие губы потрескались, а шершавый язык едва ворочался и больше напоминал точильный камень.

Где он? Что было вчера? Сосредоточенно засопев, Алексей попытался воскресить в памяти события вчерашнего вечера. Он помнил бой, помнил, как к нему подошел блондин. Они поехали на маршрутке, потом пошли пешком, завернули в кафешку. Паренек купил Алексею тарелку горячего горохового супа, печеную картошку, а потом... Кобылин потерял сознание. Он пил. Из стакана. Наливал водку и пил. А стакан ему подавал блондин. Потом... Потом они еще куда-то шли. И все. Дальше – темнота.

– Вот сука, – едва слышно протянул Алексей.

Прижав ладони к пылающему лицу, Кобылин сел и оперся спиной об удачно подвернувшуюся холодную стену. Его тошнило, голова раскалывалась, застывшие мышцы ныли так, словно их пытались вытащить из тела клещами. Очень хотелось пить. Хоть капельку холодной воды пустить в пылающее горло, чтобы смыть этот омерзительный привкус тошноты.

– Еперный карась, – простонал Алексей. – Опять... Опять...

Отняв от лица трясущиеся руки, он попытался осмотреться. Вокруг по-прежнему царила темнота, но теперь Алексей начал понемногу разбирать очертания предметов. Сам он, оказалось, лежал на полу, на куче старого тряпья в маленькой подвальной комнате. Противоположной стены Кобылин не видел, но не сомневался, что до нее метра два, не больше. Справа тем-

нота уже не была такой густой – с той стороны пробивался зыбкий свет, шедший от лампочки, что находилась далеко за углом. Именно в ее зыбком полупризрачном свете Алексей увидел то, что ему категорически не понравилось.

Дверной проем комнатки был забран решеткой – настоящей решеткой из сваренных между собой железных арматурин. Из них же была сработана грубая дверь с огромными петлями, на которой висел увесистый амбарный замок. При виде этой конструкции Кобылин разом забыл и про боль, и про жажду. Встав на четвереньки, он прополз несколько шагов до двери и вцепился руками в холодные железные прутья.

– Твою мать, – простонал он. – Вот дают, сволочи.

В ответ на его стон из дальнего угла раздался тихий шорох.

– Кто здесь? – Кобылин резко обернулся и, цепляясь за решетку, поднялся на ноги.

– Браток, – донесся из темноты дрожащий голос. – Браток!

Алексей оттолкнулся от решетки и побрел на голос, идущий от пола. Шел он медленно, пробуя ногой пол перед собой, и все же едва не споткнулся о ворох тряпья, на котором лежал человек. Заслышав стон из-под ног, Кобылин медленно опустился на колени и нашарил в темноте чье-то плечо.

– Ты кто? – спросил Алексей, напрасно шурясь в попытке рассмотреть своего сокамерника.

– Миха, – хрипло отозвался тот и приподнялся.

В предплечье Кобылина вцепились тонкие, но сильные пальцы. Пленник приподнялся, и в полутьме появились очертания его бледного лица. Сальные волосы, отросшая борода, опухшие губы и синяк под глазом – Кобылин вздрогнул. Он словно в зеркало посмотрелся.

– Дрался у Бобров? – коротко спросил он.

– Ага, – выдохнул пленник. – Три дня... Три дня тут. Воды нет?

– Нет, браток, – печально отозвался Кобылин.

Глаза окончательно привыкли к полутьме, и теперь охотник смог лучше рассмотреть фигуру своего соседа по заточению. Тот оказался щуплым мужичком лет сорока, закутанным в драное тонкое пальто еще советских времен. Походил он на бомжа, и не было никаких сомнений, что сюда он попал так же, как и сам Алексей.

– Ты держись, братан, – сказал Кобылин, оглядываясь на решетку. – Кто-нибудь придет.

– Придет! – с внезапным жаром прошептал Миха, цепляясь за руку охотника. – Они придут! Увели Саню. Саню увели! И все!

– Вон оно как, – буркнул Алексей, – ну-ка, погоди.

Отцепив от себя слабеющие руки сокамерника, он сел на пол и принялся ощупывать свои карманы. Они, как и ожидалось, зияли пустотой. Пропали и деньги, и бутылка. И даже шарф – дырявый сальный шарф, что не раз использовался в качестве носового платка, – и тот сняли. Не было и старенького ремешка. Тихо матерясь себе под нос, Кобылин нагнулся и ощупал разношенные кроссовки. Шнурки тоже пропали.

Процедив сквозь зубы очередное ругательство, Алексей распрямился и принялся шарить руками по полу, пытаясь нащупать хоть что-нибудь полезное: камень, обрывок веревки, палку, осколок стекла. Ползая на карачках по ледяному бетонному полу, он сосредоточенно сопел, мечтая наткнуться на обрезок свинцовой трубы. Но наградой ему была лишь груда старых тряпок, видимо бывших когда-то рубашками и простынями. Ткань уже подгнила и рассыпалась в руках, так что толку от нее не было никакого. Сплюнув, Кобылин принялся стаскивать с себя куртку, и в это время его новый знакомый сдавленно забулькал.

– Идут! – услышал Алексей. – Идут!

Охотник замер. И в самом деле, из полутьмы со стороны решетки раздался тихий шорох, словно вдалеке распахнулась дверь. А потом – глухой перестук шагов по бетону. Двое, понял

Кобылин. В мягкой удобной обуви вроде кроссовок или ботинок с резиновой подошвой. Шли уверенно, не таясь, ровно и твердо, выполняя привычную, хотя и немного нудную работу.

Кобылин скинул куртку через голову, рывком поднялся на ноги и закачался. От резкого движения закружилась голова, и боль, как раскаленный штырь, пронзила затылок. Невольно застонав, Кобылин оперся рукой о стену и сделал пару неуверенных шагов к двери. Потом, закусив губу, постарался втиснуться в темный угол. Но не успел. Перед решеткой вдруг выросла широкоплечая темная фигура, и тут же загремела связка ключей. Глухо звякнул амбарный замок, решетчатая дверь оглушительно загрохотала, и в тот же миг в темноте вспыхнул яркий свет.

Кобылин, вжимавшийся в стену около входа, невольно зажмурился – после темноты свет самого простого фонарика бил по глазам не слабее полуденного солнца. Подслеповато шурясь, он краем глаза заметил темную фигуру, шагнувшую в камеру, и бросился в атаку.

Простой удар ногой в колено, нанесенный сбоку, должен был выбить или сломать сустав. Алексей не раз прибегал к этому трюку, отработал его до автоматизма, но не учел того, что обычно гораздо крепче держался на ногах. Стоптаный кроссовок лишь скользнул по голени тюремщика, а потерявший равновесие Кобылин влетел прямо ему в руки. Вцепившись в чужое пальто, он вжал голову в плечи, пытаясь прижаться к врагу и не дать ему нанести удар с размаха, но ноги заскользили по мокрому полу, и Кобылин повис на плече великана, как на вешалке.

Тот развернулся и коротко, деловито засадил кулаком в бок Алексею. Охотник закашлялся, ослабил хватку, и тюремщик свободной рукой отшвырнул его в сторону, как нашкодившего котенка. Кобылин заскользил по полу, зашатался, схватился рукой за решетку... И в тот же миг перед глазами расцвел огненный цветок.

Очнулся Алексей на полу. Сильно болели челюсть и затылок. Перед глазами еще плавали светлые пятна, но охотник сразу же перевернулся на живот и попытался встать – из чистого упрямства. И только услышав затихающий крик, понял, что опоздал.

Комнатка, превращенная в камеру, уже опустела и погрузилась во тьму. Тюремщики забрали Михаила и утащили его куда-то дальше по коридору. Судя по крикам, они не слишком церемонились с пленником и ничуть не скрывались. Это было плохо. Значит, здесь никто не услышит чужих криков и они тут не в новинку.

Морщась от боли, пронзившей затылок сияющей молнией, дотянувшейся до самых глаз, Алексей встал на четвереньки и подполз к куче тряпья. Нашарив свою куртку, он сел на пол и завернулся в нее, как в одеяло. Кобылина трясло – от холода и от боли. Зубы выбивали барабанную дробь, хриплое дыхание с трудом вырывалось из сведенного судорогой горла.

– Никогда, – отстучал зубами Кобылин, – больше никогда... Зараза...

Согнувшись пополам, он сблевал на грудь вонючего тряпья и застонал от боли в сведенной судорогой спине. Постанывая, отполз подальше, отшвырнул в сторону куртку и стал на четвереньки, упираясь ладонями в ледяной пол.

– Ладно, – прошептал он. – Ладно. Десять минут.

Он знал, что времени у него немного. Если увели одного, значит, скоро придут и за вторым. Скоро. Возможно, прямо сейчас...

С трудом оторвав правую руку от пола, Кобылин сунул два пальца в рот, и его желудок сжался в комок, выплескивая все, что в нем еще осталось. Из глаз хлынули слезы, боль, словно огромный топор, раскалывала голову надвое. Чудовищное ощущение – полузабытое, из прошлой жизни, такое знакомое и такое неожиданно новое. Тогда так бывало часто. Тогда.

– Выдержу, – прохрипел Кобылин, отплеываясь. – Давай. Назло...

Опустошив желудок, Алексей отполз в сторонку, нашарил свою куртку и дрожащими руками натянул ее на плечи. Застегнув молнию, Кобылин обхватил себя за плечи и откинулся на пол, содрогаясь от крупной дрожи. Он прикрыл глаза и постарался дышать ровно. Знал – времени осталось мало, всего ничего, скоро придут и за ним. Все, что он хотел, – пятнадцать

минут. Всего четверть часа покоя, чтобы никто его не дергал, не трогал, не касался. Тогда, быть может, удастся отдышаться, хоть немного...

Ему дали ровно десять минут. Когда в коридоре снова раздались шаги, Кобылина, чуть успокоившегося, снова пробила крупная дрожь. Когда на него упал пылающий свет фонарика, Алексей заскулил, как побитая собака, засучил ногами по полу, пытаясь отползти в сторону и забиться в темный угол. Не дали – крепкая рука ухватила его за воротник куртки, и под треск надорванной ткани Кобылина потащили по полу, как мешок с картошкой.

Когда его вытащили в коридор, Алексей застонал и забился, пытаясь вырваться, и тут же получил пинком крепким ботинком в бок. Закашлявшись, охотник сжался в комок, но это не помогло – его тащили дальше. За углом в самом деле обнаружился длинный коридор, с одной-единственной лампочкой в самом дальнем конце – у белой двери. Здесь было светлей, и Кобылин, бросивший испуганный взгляд вверх, рассмотрел наконец своего тюремщика. Это был рослый мужик, ростом метра в два. Широкоплечий, налысо бритый, с борцовской шеей и курчавой бородищей. Опустив здоровенную, как лопата, руку, он без труда волок Кобылина по бетонному полу – спокойно и привычно, словно занимался этим каждый божий день. На груди была кожаная куртка, напоминавшая размерами чехол от кресла, на ногах тупоносые ботинки на шнуровке и камуфляжные штаны – то ли от какой-то формы, то ли охотничьи.

Без малейших признаков усталости тюремщик легко протаскивал Алексея по всему длинному коридору и остановился только у самой двери. Распахнув ее, он зашвырнул пленника внутрь, как куль с мукой. Кобылин закувыркался по полу и чуть не сбил с ног худощавого типа, что стоял ровно посреди крохотной комнатки, залитой ярким светом лампочки без плафона, что свисала с потолка на длинном проводе.

– Встать! – рявкнул худой чернявый тип в спортивном костюме. – На колени, быстро!

Кобылин завозился на полу, испуганно озираясь по сторонам. Крохотная комнатка с низким потолком была почти пуста. Лишь в углу приткнулась табуретка, исполняющая роль стола – на ней стояла початая бутылка водки, сверток из газеты да два стакана. На стене, на вбитых гвоздях, были развешаны куртки и пальто. Под ними стояла деревянная скамейка, из-под которой виднелись чьи-то ботинки. Прихожая – не больше того. Догадку Кобылина подтвердила вторая дверь, видневшаяся в противоположной стене. Обычная дверь из ДСП, обитая досками, выглядела довольно странно в этом месте. При взгляде на нее у Кобылина волосы встали дыбом.

Здоровяк, видя, что пленник не особенно торопится, решил ему помочь – ухватил за воротник и рывком поставил на колени. Кобылин со стоном задрал голову и с испугом уставился на худощавого типа, чьи щеки покрывала недельная щетина. Тот не ухмылялся, не злорадствовал, не наслаждался властью над беззащитным пленником. Смотрел спокойно и равнодушно, словно выполняя рутинную работу. И от этого становилось еще страшней.

– Давай, – тихо, но с угрозой в голосе произнес он. – Руки давай.

Из кармана своей спортивной куртки он достал моток прозрачного скотча, отработанным движением подцепил ногтем край и с треском отмотал длинный кусок ленты.

– Руки, – тихо потребовал он.

Кобылин, стоявший перед ним на одном колене, как перед королем, протянул дрожащие руки вверх, к ленте. Худой парень чуть наклонился, но прежде чем лента коснулась запястий Кобылина, охотник рванулся вперед.

Он ударил правой точно в пах худого тюремщика, и тот с воплем согнулся пополам. Здоровяк, державший Алексея за шиворот, рванул жертву назад, но было поздно – охотник, так и не застегнувший куртку, выскользнул из нее, как из опустевшей шкурки, и кувыркнулся по полу в угол, к импровизированному столику. Под бессвязные вопли корчащегося на полу тюремщика Кобылин вскочил на ноги, ухватил бутылку водки и пинком отправил табуретку под ноги здоровяку, что бросил куртку и рванулся за пленником. Громила запнулся о катя-

щийся по полу табурет и с воплем рухнул на пол, на вытянутые руки. Кобылин оттолкнулся от стены, одним прыжком перемахнул через здоровяка и взмыл к низкому потолку, замахиваясь своим оружием.

Поднимающийся на ноги худощавый тип успел увидеть прыжок пленника и даже успел открыть рот, но сделать ничего не успел. Кобылин упал сверху и со всего маху обрушил бутылку с водкой на голову своего тюремщика. Глухой гул удара сменился звоном бьющегося стекла, и чернявый парень как подкошенный рухнул на пол, не издав ни звука. Кобылин, в руках которого осталось бутылочное горлышко с парой длиннющих осколков, не удержался на ногах – сделал пару неверных шагов и ткнулся спиной в стену, смахнув на пол чье-то тряпье с гвоздя.

Он даже не успел заметить, пальто это или куртка – здоровяк, уже поднявшийся с пола, зарычал медведем, оскалился, и, подхватив с пола табурет, запустил им в Кобылина. Тот упал на одно колено и хлипкая конструкция с грохотом разбилась о стену над его головой. Здоровяк же, вытянув огромные руки, бросился на пленника, словно пытаясь его обнять. Он неслся на Кобылина, притиснутого к стене, как оживший паровой каток – громадина, которую нельзя ничем остановить. И Кобылин, оттолкнувшись от пола, как спринтер, рванул ему навстречу.

Они встретились на середине крохотной комнатки. Алексей с разгона нагнулся и шагнул в сторону, уворачиваясь от вытянутых рук здоровяка. Тот проскочил мимо, а Кобылин, не разгибаясь, со всей силы полоснул обломком бутылки по широкому бедру в камуфляже. Здоровяк заревел, попытался затормозить, обернуться... Охотник, распрямляясь, наотмашь взмахнул «розочкой», целя повыше. Повернувшийся громила тут же завопил – острое стекло мазнуло по лицу, оставляя за собой развороченную плоть. Хлынувшая кровь не остановила тюремщика, лишь разозлила еще больше. Не обращая внимания на боль, он рванул к Кобылину, вытянув вперед огромные ручищи, и тогда охотник сделал выпад, сделавший честь любому мушкетеру. Проскользнув между рук здоровяка, он вколотил «розочку» точно под подбородок тюремщика и тут же отпрыгнул назад, оставив оружие в теле. Рев громилы сменился хрипом. Хватаясь за горло, он сделал пару шагов вперед, к Кобылину, потом, выпучив глаза и задыхаясь, упал на колени и медленно завалился на бок.

Алексей застыл посреди комнаты, настороженно разглядывая поверженные тела. В дырявом черном свитере, в драных джинсах, он стоял в ярком свете лампочки, покачиваясь на носках, и тяжело дышал, переводя взгляд с неподвижного тела чернявого парня на содрогавшегося в судорогах громилу. Потом наконец разжал кулаки и шагнул к своему бывшему тюремщику.

Громила лежал на спине, обхватив широкими ладонями собственное горло. Из-под них торчало бутылочное горлышко «розочки», так и оставшееся в располованной шее. Темная кровь ручьем хлестала из-под застывших ладоней, заливая грудь громилы и собираясь в темное озеро на полу. Тело еще содрогалось, но Кобылину было ясно – тут все кончено.

– Черт, – прошептал он, закусывая губу. – Черт, черт, черт!

Развернувшись, он бросился к худощавому парню, распластавшемуся на полу. Упав на колени, Кобылин приподнял свою жертву, взглянул на его голову и едва слышно застонал. Из темных волос густой патокой сочилась темная кровь, стекая на пол. В застывшем лице парня не было ни кровинки – он стал бледным, как простыня.

– Ну же, – прорычал Кобылин, встряхивая свою жертву. – Ну!

Тело безвольно обвисло в его руках, и Алексей медленно разжал пальцы. Паренек откинулся на пол, раскинул руки и застыл, как сломанная кукла.

– Зараза, – прошипел Кобылин. – Хренов алкаш!

Спохватившись, он принялся хлопать по карманам паренька. Нашел рулон серебристого скотча, ключи от машины с брелоком сигнализации, паспорт, потертый кошелек. И только потом, в нагрудном кармане, то, что искал.

Вытащив мобильник, Кобылин, косясь на закрытую деревянную дверь, глянул на экранчик. Уровень сигнала был невелик, всего одна полоска. Но этого должно было хватить. Набирая знакомый номер, Кобылин выпрямился и вернулся обратно к истекающему кровью здоровяку. Ожидая ответа, он присел на корточки у тела и принялся шарить по карманам кожаной куртки, стараясь не запачкаться.

– Слушаю, – раздался знакомый голос из трубки.

– Гриша, это я, – буркнул Кобылин.

– Леха! Мать твою! Ты куда пропал? Ты где?

– Я на месте, – отозвался охотник, вытаскивая из кармана здоровяка большой складной нож. – Как и предполагали, это подвал. Отследить сигнал?

– А ты сам-то что? – невнятно отозвался Борода.

– Меня сюда притащили в бессознанке, – немного смущенно отозвался Алексей. – Отследить сигнал?

– Это какой оператор? А, уже вижу. Да, минут пять, и мы тебя найдем.

– Ты там как, приготовился? – спросил Кобылин, щелкая ножом.

– Менты наготове, ждут сигнала от моего знакомого опера. Тот уже землю копытом роет, я же обещал ему сдать похитителей людей еще три дня назад!

– Пускай их по пеленгу, – хрипло велел Кобылин, оглядываясь на дверь. – Пусть сюда подваливают. И пусть сразу готовятся к сопротивлению.

– Там вообще что? – спросил Борода. – Вампирское гнездо? Оборотни?

– Даже не знаю, – протянул Кобылин, осматривая тела. – Знаешь, Гриш, мне кажется, на этот раз это не наш профиль.

– Думаешь? – с сомнением в голосе переспросил Борода.

– Меня напоили, притащили в подвал, кинули в камеру. Тут был еще один человек – видимо тот, что пропал в четверг. Два тюремщика, оба люди, выглядят как шестерки братвы.

– И все? – спросил Григорий. – Что за фигня?

– Ну, не все, – отозвался Кобылин, посматривая на дверь. – Знаешь, они куда-то переправляли пленников. Судя по всему, куда-то вниз, в подземные коммуникации. Я, пожалуй, тут разведать маленько, пока менты едут.

– Леха! – позвал Борода. – Ты это брось! Если у них там гнездо, не вздумай туда соваться в одиночку! И вообще, зря ты в это дело полез.

– Зря, – согласился Кобылин, – ой зря. Уже сто раз пожалел. Но, Гриш, три человека за неделю пропали. И все – в одном и том же зале. Надо было разведать что к чему.

– Разведать? – ядовито осведомился Григорий.

– Вроде того, – мрачно отозвался Алексей, оглядывая тела.

– Вот и вали оттуда, – скомандовал Борода. – Оставь ментам чуток работы. Тем более что не наш профиль.

– Это мне кажется, что не наш, – бросил Кобылин. – А на самом деле... Что-то тут не то. Так что, Гриш, я телефончик оставляю, чтоб ты его поймал, а сам пойду немного осмотрюсь в подвале.

– Леха! – с угрозой бросил Борода. – Ты там что затеял, а? Ты это геройство брось!

– Гриш, понимаешь, туда только что уволокли человека. Мишу, что сидел со мной в одной камере. Буквально полчаса назад, даже меньше, – сказал Кобылин, задумчиво рассматривая обломки табуретки. – Надо сходить, проверить. Не могу я человека вот так вот бросить. Когда еще менты приедут, пес его знает. А человек, может, погибает там.

– Ладно, – буркнул Борода. – Спайдермен хренов. Иди, спасай своего Мишу. Но только без героизма давай. Я видел, как тебя отмудохали, ты сейчас не в форме, да еще и без снаряжения. А сигнал я уже засек, скоро будем. Ты не лезь на рожон там. Как тюремщики-то?

– Я их... – Кобылин тяжело вздохнул. – Я их нейтрализовал.

– Угу, – мрачно отозвался Борода. – Я представляю.

– Ты не представляешь, – мрачно отозвался охотник. – Лучше и не надо. Все, давай. Раз засек адрес, то телефон на всякий случай возьму с собой. Вряд ли он возьмет в подвале, но вдруг.

– Леш, наряд будет через полчаса, – отозвался Борода. – Ты там уж побереги себя, ладно? Ребята уже едут, опер у них злющий и тащит команду СОБРа. Ты им не попадайся, идет? А то нынче у нас силенки не те, я тебя из их лап не вытащу.

– Не волнуйся, мамочка, – ухмыльнулся разбитым ртом Кобылин и тут же скривился от боли. – Я только одним глазком гляну, куда это они пошли. А потом смоюсь раньше, чем придет наряд. Все, отбой.

– Отбой, – подтвердил Борода.

Кобылин медленно выпрямился, сунул телефон в карман джинсов и задумчиво посмотрел на куртки, висящие на стене. Их там было штук десять, не меньше. Вдохнув, Кобылин подошел к самодельной вешалке и принялся шарить по чужим карманам. Он знал, что это отнимет у него минут пять, но не хотел лезть в подвал с пустыми руками. Если этих ребят внизу действительно больше десятка, то ему понадобится нечто большее, чем один складной ножик. Нужно найти что-то полезное. Хоть что-нибудь. И в первую очередь – хорошие, крепкие ботинки с твердыми, как камень, носами, которыми так удобно колотить по чужим ногам.

* * *

Странная дверь открылась неожиданно легко. Никаких замков и запоров, только обычная блестящая ручка, что бесшумно повернулась под рукой. Тихо щелкнул замок, дверь распахнулась, и Кобылин замер, с удивлением рассматривая серую бетонную стену в шаге от себя. Дверь открывалась в крохотный чуланчик, больше походивший на кладовку для швабр, чем на комнатку. Три глухие бетонные стены, заляпанные брызгами штукатурки. И больше ничего... Если не присматриваться к полу.

Кобылин распахнул дверь пошире, чтобы свет из комнаты осветил весь пол чуланчика. Так и есть. В полу виднелась круглая деревянная крышка с едва заметной ручкой. Мокрые доски, давно потемневшие, сливались с полом, и в полутьме были почти незаметны. Опустившись на корточки, Алексей осмотрел свою находку. Люк в полу был невелик, чуть больше обычного канализационного, а судя по сточенным краям, крышку его довольно часто поднимали. И она ни на чем не держалась – просто лежала сверху дыры. Ручка, самая обычная, оконная, что была едва ли не старше самого Кобылина, держалась на паре расшатавшихся шурупов. Алексей взялся за ручку, потянул на себя, выпрямил ноги и рывком сорвал деревянную крышку с пола. Перед ним открылся черный провал, из которого в лицо дохнуло плесенью и влагой.

Осторожно прислонив крышку к стене, Кобылин достал из кармана фонарик, позаимствованный у покойного тюремщика, посветил в провал и заметил лестницу из железных прутьев, что уходила в темноту прямо от края люка. Алексей опустил фонарик, и луч света, мазнув по железным решеткам, высветил мокрый бетонный пол, до которого было метра полтора, не больше.

– Все страньше и страньше, – пробормотал Кобылин.

Опустившись на колени, он бесстрашно сунул голову в дыру и быстрым взглядом окинул подземелье. Оно оказалось не таким уж и страшным – просто большая бетонная труба для сточных вод. Пустая и мокрая, воняющая канализацией и плесенью.

Перегнувшись через край, Алексей скользнул по лестнице вниз и встал на мокрый пол. Посветив назад, он увидел, что проход перекрыт глухой железной решеткой, в которой не было и намека на дверь. А вот другая сторона была свободна – загадочная труба уходила вдаль,

напоминая подземный ход, ведущий прочь из осажденного замка. Луч фонарика скользнул по стене, покрытой слизью, и канул в темноте, не в силах пробить крошечную тьму на том конце.

Озадаченно почесав кончик носа, Алексей опустил фонарик и осветил себе под ноги. Тоненький ручеек грязной воды струился по самому дну трубы, размывая залежи мусора, что собирался в рыхлые кучи. Они уже подгнивали, и Кобылин даже не решился предположить, из чего они состояли раньше. Да и не собирался – сейчас его больше занимали следы, четко видневшиеся прямо под железной лестницей. Пара сапог, похоже резиновых, рядом отпечатки ботинок с рифленой подошвой и легкие, едва заметные отпечатки то ли тапочек, то ли дешевых ботинок... Под самой лестницей сильно натоптано, мусор разбросан, и отдельных следов не разобрать. Зато дальше в темноту уходила четко заметная цепочка мокрых следов.

Нахмурившись, Кобылин представил, как это было: двое тюремщиков опускают в дыру связанную жертву, легко и небрежно, как рулон обоев. Здесь, внизу, пленника принимают еще двое. И тут же тащат в крошечную тьму, пригибаясь, чтобы не задевать макушками низкий потолок. Бедняга цепенеет от ужаса, что-то лепечет, не в силах сопротивляться, а его тянут в самое сердце тьмы, навстречу...

Стиснув зубы, Алексей выключил фонарик и сунул его в карман. Он увидел достаточно, чтобы понять – нужно идти дальше. И как можно быстрее. Тьма закутала его непроницаемым черным одеялом, но Кобылину не было страшно. Сейчас темнота его друг, что укроет от чужих взоров и позволит подобраться поближе к добыче. Уже давно темнота из врага превратилась в друга охотника. Нужно только понимать ее, чувствовать, знать, с какой стороны подойти, и тогда она станет надежным союзником.

Кобылин затаил дыхание и прислушался, стараясь уловить малейший шорох. Под ногами тихо журчал ручеек, но сквозь его голосок охотник отчетливо слышал далекий гул голосов. Здесь, в этой трубе, звук отражался от голых стен и разносился очень далеко. Там, впереди, были люди.

Дыша тихо и размеренно, Алексей постарался успокоиться и настроиться на охоту. Боль должна отступить. Усталость должна уйти. Больше нет никаких пятен перед глазами, нет дрожи в ногах, нет холода и жажды. Есть только существо, что слилось с темнотой в одно целое, став на время частью незримой и неотвратимой силы, способной бесшумно вынырнуть из непроглядной тьмы и нанести удар.

Через пару минут глаза Кобылина, привыкнув к мраку, стали различать зыбкие очертания стен. Там, впереди, было светлее, чем здесь – теперь Алексей ясно это видел. Где-то вдали находился источник света, маленький, слабый, но вполне реальный. Кобылин повел носом, как дикий зверь, пытаясь учуять, что там горит впереди. И совершенно неожиданно разобрал среди ароматов сточной трубы сладковатый запах плавленого воска.

– Зато я нюхаю и слышу хорошо, – пробормотал Алексей себе под нос отрывок из детского стишка.

Ждать больше было нельзя, и Кобылин двинулся в темноту. Быстро, уверенно, даже не глядя себе под ноги. Он шел осторожно, бесшумно, скользил в темноте как призрак, стараясь не наступать в воду. Тишину нарушал лишь едва слышный плеск ручейка, что отражался от голых бетонных стен и превращался в неразборчивое хлюпанье.

Алексей двигался быстро, но осторожно, стараясь не отводить взгляда от призрачных отблесков света впереди. Он совершенно не представлял, что скрывалось там, впереди, и потому чувствовал себя немного не в своей тарелке. Привычный набор охотника остался на одном из чердаков, что служил временным пристанищем бездомному Кобылину. И сейчас он остро чувствовал отсутствие оружия в карманах. Это было неприятным ощущением – словно его лишили важной части тела. Ни пистолета, ни дробовика, ни ножей, ни колюев... Не сбавляя шага, Алексей похлопал по драной куртке, проверяя свой нехитрый арсенал, что удалось вытащить из чужой одежды. Ничего серьезного, как и предполагалось, среди трофеев не нашлось.

Грубый китайский нож с лезвием из мягкой стали так и остался самой серьезной находкой. Правда, повезло с разбитой табуреткой – она оказалась старого производства, еще советского, и ножки у нее были из тяжелого и крепкого бука. Вдобавок в каждой помещался железный стержень с резьбой, он прилично утяжелял деревяшку. Не обрезок трубы, конечно, но весьма приличная дубинка, которой можно утихомирить любого человека. Вот только на упыря с ней не выйдешь. И на оборотня.

Нахмурившись, Алексей поправил деревяшку, спрятанную в рукаве, и проверил обрывок шнура, намотанного на другую руку. Это был кусок от телевизионной антенны, который Алексей отодрал от стены, и им тоже можно было натворить немало дел, если правильно использовать. Связка ключей в кармане могла сыграть роль кастета, горсть железной мелочи могла кого-то отвлечь звоном, зажигалкой можно было подсветить себе путь, если сядет фонарик. Да, полезные мелочи. Но и только. Самым ценным приобретением, кроме ножа, оставались крепкие ботинки армейского типа, которые Кобылин снял с трупа здоровяка. Чувствовал он себя при этом невероятным подлецом, но все же довел дело до конца – потому что на охоте лучше быть подлецом, чем дураком в мягких стоптанных тапочках.

Впереди забрезжил свет, и Алексей сбавил шаг, стараясь ступать еще осторожней. И в сотый раз пожалел о том, что так и не нашел пистолета. Хотя бы газового или травматiku. У него даже ладонь зачесалась – так хотела ощутить привычный вес оружия.

Беззвучно чертыхнувшись, Кобылин сжал кулак и пошел быстрее. Гриша сто раз ему говорил, что главное оружие охотника – голова. Алексей верил другу, да и не раз убеждался в правоте этого утверждения на собственном опыте. Но сейчас, когда перед ним открылся темный провал бетонной трубы, ведущий, судя по сквозняку, в канализационный коллектор, голова уже не казалась надежным оружием. Она зверски болела и кружилась, упрекая собственного хозяина в небрежном отношении.

– Надо меньше пить, – пробормотал Алексей, цитируя старый анекдот. – Надо меньше пить...

Собравшись с духом, он нырнул в трубу, где темнота превращалась в полумрак, сделал несколько шагов, пригибаясь, чтобы не цеплять макушкой потолок, и замер.

Бетонная труба вывела его в небольшой зал. До противоположной стены было шагов двадцать, и в ней зиял черный проем подземного хода. Ручеек, что выбегал из-под ног Кобылина, сворачивал левее и уходил к соседней стене, к крохотному лазу, забранному решеткой. Сквозь нее вода с плеском обрушивалась в темноту, и в зале царил гул, что заглушал все прочие звуки.

Кобылин не отрываясь смотрел в центр маленького зала, на сухой пяточок бетона, скрытый от посторонних взглядов под землей. И скрытый не зря – то, что там творилось, чужим определенно показывать не стоило.

На полу стояли зажженные свечи, спрятанные в обрезках пластиковых бутылок. Эти самодельные лампадки давали мало света, края зала терялись в темноте, но самый центр освещали хорошо. Там, на полу, лежали тела людей. Кобылин насчитал шесть – шесть замерших фигур, напоминавших груды тряпья. Одна лежала в центре, а пятеро вокруг нее – и Алексей был готов поклясться, что они являлись вершинами пентаграммы. Чуть дальше, за освещенным кругом, в темноте двигались какие-то тени, и Кобылин был абсолютно уверен в том, что это вовсе не бомжи, решившие переночевать в канализационном коллекторе.

Подобравшись, он чуть присел и вытряхнул из рукава ножку от табуретки, что удобно легла в ладонь. Левой рукой Кобылин достал нож, открыл его и замер, всматриваясь в полутьму. Ждать долго не пришлось – через миг одна из темных фигур приблизилась к центру зала и вошла в светлый круг. Выглядела она вполне по-человечески – казалось, это худой и высокий парень, накинувший на себя темный балахон с остроконечным капюшоном, скрывающим лицо. Алексей крепче сжал дубинку – если это и правда человек, то больших проблем не предвидится.

Темная фигура бесшумно прошла в центр, склонилась над одним из тел, что-то поправила. Из темноты появился второй человек – в таком же нелепом черном одеянии, напоминавшем черную мантию.

– Да вы шутите, – пробормотал Кобылин себе под нос. – Что за цирк?

Он ожидал найти подземное вампирское гнездо, которому поставляют кормежку нанятые наемники. Или на худой конец оборотня на цепи, которого кто-то выкармливает, пытаясь вернуть ему первобытную дикость зверя. Ну, или уж совсем киношного врача в заляпанном кровью халате, что вырезает органы у бомжей на продажу. Но это...

Алексей медленно выпрямился, всматриваясь в темноту, скрывавшую углы зала. Сколько их там еще – двое? Может, весь десяток?

Прямо на его глазах из темноты появились еще трое – скользнули бесшумными тенями по влажному полу и остановились у тел, каждый у своего. Словно заняли пост. Кобылин отступил на шаг, и вовремя – свечи вдруг вспыхнули ярче, словно невидимый ветерок раздул их пламя. По залу замечались светлые отблески пламени, и Алексей заметил то, что скрывалось в темноте. Там, почти у самых стен, лежали еще тела, словно из них пытались составить еще одну звезду, побольше, чем в центре. Три лежали неподвижно, а вот четвертое, над которым склонились двое парней в капюшонах, еще подавало признаки жизни. Человек, распростертый на полу, сучил ногами, пытался перевернуться на живот. Но те, что склонились над ним, не давали жертве подняться – один держал руки, второй прижимал к лицу белую тряпку. Кобылин, заметивший это, прикусил губу. Расклад вдруг поменялся – он понял, что большинство, если не все, из тел на полу просто спят. Видимо, ритуал требовал принести всех в жертву одновременно. И конечно, это проще сделать, если жертвы не орут и не упираются, а мирно спят, усыпленные какой-то дрянью. А это все меняет.

Кобылин догадывался, что жертва на полу – Миша, которого утащили в подвал минут двадцать назад. А оставшееся пустое место, место для пятой жертвы во втором круге, предназначалось последнему узнику, некому Кобылину, алкашу, что за деньги позволял избивать себя. Все это означало, что времени почти не оставалось – ритуал, видимо, должен был скоро начаться. За последней жертвой сейчас отправят кого-то из подручных, и выяснится, что жертва как бы уже не совсем жертва. Скорее, совсем наоборот. А там, глядишь, с сиренами и мигалками нагрянет доблестная милиция. И как поведут себя эти психи? Мгновенно разбегутся, в панике спасая собственные шкуры? Или успеют поубивать всех ненужных спящих свидетелей?

Кобылин облизнул губы. Проверять свою догадку практикой не хотелось. Он был абсолютно уверен, что если сюда сунутся менты, то жертв не удастся избежать. С другой стороны, тут десяток конченных психов, решивших поиграть во что-то странное. Конечно, все они, вместе взятые, не стоят и пары оборотней. Но и у него с собой нет ни одной пушки, в глазах до сих пор плавают зеленые пятна и немного пошатывает. Тот еще боец с зеленым змием. Если психи навалятся разом, никакие трюки не помогут, задавят числом. Можно и в самом деле подождать, пока явится кавалерия, а там уж действовать по обстоятельствам.

Бесшумно вздохнув, Алексей потянул носом воздух. Нет. Что-то тут не так. Не нравилось ему все это. Психи психами, но кроме них здесь есть что-то еще. Нечто темное, злое, исходящее волнами ледяной ярости, готовое в любой миг взорваться черной ненавистью. Нечто такое, за чем Кобылин обычно и охотился в ночи.

– Боюсь, Гриша, это все-таки наш профиль, – прошептал Кобылин, приседая на корточки.

Словно отзываясь на его мысли, из темноты вынырнули две фигуры в балахонах и двинулись прямо на охотника. К тому самому проходу, что вел к подвалу с импровизированной тюремной камерой. Алексей довольно кивнул, его догадки подтвердились. За последним пленником послали конвоиров, а значит, тут больше и планировать нечего. Остается только действовать.

Сосредоточившись, Алексей окинул взглядом зал, стараясь запомнить расстояние до других людей. Нужно было двигаться быстро, очень быстро. Тут поможет лишь внезапность. Ни сила, ни умение – только быстрота и натиск.

Двое парней в балахонах пересекли зал, и когда до них оставалась пара шагов, Кобылин прыгнул им навстречу.

Он вылетел из темноты, как огромное пушечное ядро, и с разгона врезался в конвоиров. Одному вогнал ножку от табуретки прямо в грудь, как втыкал колы в нечисть. Под деревяшкой хрустнули ребра, и парень с воплем опрокинулся на землю. Второй подпрыгнул от неожиданности, шарахнулся в сторону, но Кобылин успел цапнуть его за край балахона. Рванув на себя затрепавшую ткань, охотник с размаху приложил жертву дубинкой по голове. Парень, даже не вскрикнув, рухнул на пол, ткнувшись лицом в мокрый бетон.

Кобылин перепрыгнул через него и рванулся дальше, топча ботинками огарки свечей и хрустя битым стеклом. Ему навстречу уже развернулся «псих», что стоял ближе всех, у нижнего луча звезды из тел. Остальные, стоявшие у других тел, тоже зашевелились, но пока так и не поняли, что произошло. У Алексея был только один шанс справиться с ними всеми – перебить поодиночке, пока они не очухались, не собрались в группу и не накинулись на него разом. А значит, действовать надо было быстро, очень быстро.

Увидев несущегося на него человека, парень в балахоне попятился, вскинул руки, пытаясь защититься, но Кобылин не стал драться – когда до врага оставалась пара шагов, он, не снижая скорости, оттолкнулся от пола и взмыл в воздух. За долю секунды парения, когда Алексей летел вперед, как выпущенный из катапульты снаряд, он успел подтянуть под себя ноги, а потом резко их выпрямил.

Левая нога лишь скользнула по выставленным рукам парня в балахоне, а вот правая всей подошвой впечаталась в грудь. От удара доморощенного сатаниста подняло в воздух и отшвырнуло на пару шагов назад. Он упал на спину, ударился затылком о бетон и застонал. Кобылин тоже не удержался на ногах – после столкновения хлопнулся на бок, прямо на пол, так и не выпустив из рук дубинку. Но он был готов к падению и тут же вскочил на ноги, прежде чем кто-то успел пошевелиться. Одним прыжком подскочив к упавшему противнику, он всем весом прыгнул ему на протянутую ногу. Под тяжелыми ботинками захрустела коленка, парень заорал во всю глотку, но Кобылин, даже не глянув на него, прыгнул к центру пентаграммы.

Он все-таки немного замешкался, и остальные подонки уже сами бросились ему навстречу. Ближе всего оказались двое с правой стороны звезды. Оба крепко сбитые парни, в широких балахонах, они разом накинулись на Кобылина, да так дружно, что он шарахнулся в сторону, прыжком отскочив с линии атаки. Оба парня развернулись, на миг один заслонил другого, и Кобылин рванулся вперед. Он сделал длинный выпад, припал на одну ногу до самой земли и с силой ткнул своей палкой в голень противника, не ожидавшего такой атаки. На конце ножки от табуретки по-прежнему торчал железный штырь с резьбой. Он без труда прошиб кожу и плоть на голени и ударил в самую кость. Парень в балахоне взвыл паровой сиреной, опрокинулся на землю, хватаясь руками за разбитую голень, а охотник крутнулся по полу, уходя от второго врага.

Вскочив на ноги, он взмахнул дубинкой, отгоняя врага, что прыгнул за ним следом, но тот оказался не из робких – нырнул под палку и, рванувшись вперед, обхватил Кобылина за бедра. И тут же плечом уперся в живот, как борец, собирающийся сбить противника с ног. Проход в ноги – отличный прием, и Кобылин, уже опрокидываясь на спину, знал, что устоять у него нет ни единого шанса. Он только успел бросить дубинку и обхватить противника сзади поперек груди. А потом и сам откинулся назад, еще дальше, потянув за собой врага. Упав на спину, Алексей так и не разжал рук. Парень согнулся пополам, а Кобылин, продолжая падение, дернул его через себя. Ноги парня взлетели к потолку, он перекувырнулся через охотника и всем весом с размаху хлопнулся спиной о бетон. Стандартная борцовская защита от прохода в ноги,

которой охотник научился в зале, сработала как надо. Кобылин вскочил с пола раньше своего оглушенного падением противника и со всего размаха засадил ему в голову тяжелым ботинком. Парень, коротко хрюкнув, рухнул на пол, а охотник бросился к своей упавшей дубинке.

Двое следующих, те, что стояли раньше на верхушке звезды, были уже рядом, а за их спинами виднелись еще двое, те, что раньше укладывали на пол несчастного бомжа Михаила. Алексею некогда было нагибаться за дубинкой, он просто прыгнул на нее рыбкой, как ныряют в воду. Схватив ножку от табуретки, ставшей скользкой от крови, охотник кувыркнулся по полу, поднялся на ноги и тут же прыгнул в сторону, уходя от удара. Развернувшись, он понял, что везение кончилось, – у этих двоих в руках сверкали ножи.

Алексей отпрыгнул назад, просто чтобы выйти на свободное пространство, и оба парня рванули следом. Они разделились – один хотел зайти справа, другой слева. Но сделали они это так грубо, так неуклюже, что Кобылин, скользнув между ними, даже успел ухмыльнуться. Он пролетел между ними как стрела, парни развернулись, открываясь, и охотник прыгнул на того, что стоял справа. Тот, ошеломленный натиском, не успел ничего сделать – лишь глупо и бесполезно махнул ножом перед собой. Кобылин же с размаха саданул своей дубинкой прямо по руке, сверху вниз, едва не перебив кость, и прежде чем тощий паренек вскрикнул от боли, рванулся в сторону.

Второй парень, что пытался воткнуть свой нож в бок охотнику, промахнулся – его рука скользнула вдоль тела увернувшегося Кобылина, запутавшись в лохмотьях куртки. Алексей тут же прижал эту руку к своему боку и резко повернулся, выгибая локоть паренька в обратную сторону. Вытянутая рука хрустнула, парень вскрикнул, замолотил свободной рукой по голове и плечам охотника, но тот дернул плененную руку на себя, а когда противник повалился к нему в ноги, ударил коленом в лицо. Под хруст лицевых костей паренек опрокинулся на пол, а Кобылин, перескочив через него, набросился на второго, что держался за разбитую руку. Парень нагнулся, попытался подхватить левой рукой упавший на пол нож, но Алексей не дал ему этого сделать – с налету ударил ногой в бок, швырнув парня на землю. Тот попытался вскочить, но Кобылин ухватил его за шиворот, дернул в одну сторону, а когда парень рванулся в другую, пытаясь выскользнуть, дал ему хорошего пинка, отправив его в направлении двух следующих громил, что прибежали из дальнего угла.

Первый, еще сжимавший в руке тряпку, пропитанную какой-то дрянью, перепрыгнул через упавшего и рванул навстречу охотнику. Второй замешкался – нагнулся, чтобы подобрать нож.

На Алексея еще никогда не нападали мужики с грязными тряпками в руках. И потому, вместо того чтобы удивляться и глупо ухмыляться, осторожный Кобылин отскочил назад – и вовремя. Парень так резво взмахнул ногой, что чуть не выбил охотнику зубы. Алексей шарахнулся в сторону, уходя от следующего удара, а потом подскочил, уходя от выпада в колено. Парень попался не промах – драться он умел и, судя по всему, любил. Кобылину еще не доводилось видеть такой работы ногами – четкой, точной и невероятно быстрой. Парень и не пытался пустить в ход руки, бил ногами, крутясь как волчок, и Кобылину только и оставалось, что уворачиваться – он даже не решался контратаковать, боясь открыться для сокрушительного удара.

Несколько секунд танца по бетонному полу ни к чему не привели, но зато Кобылин почувствовал, что выдыхается. Он и так был не в лучшей форме, а тут пришлось побегать. Алексей, ускользая от ударов ногами, старался не поворачиваться спиной ко второму противнику, что кружил вокруг дерущихся, сжимая длинный нож, подобранный с пола. Он выжидал удобный для удара момент, и охотнику уже пару раз пришлось выложиться по полной, уходя от двух атак сразу. Это не могло продолжаться вечно. Алексей начал задыхаться и понял, что через пару секунд сделает ошибку, и тогда его добьют.

– Взгреем друг дружку! – заревел он и, взмахнув дубиной, прыгнул на парня с ножом.

Тот шархнулся в сторону, больше испуганный внезапным криком, чем нападением, а Кобылин, что и не думал на него нападать, перехватил ножку от табуретки двумя руками и резко обернулся.

Как он и предполагал, умелый боец пошел в атаку. Круговой удар ногой, способный расколоть голову человеку, обрушился на Кобылина. В последний миг он успел подставить под удар дубинку, которую сжимал двумя руками. Раздался сухой треск, палка выдержала, но мощнейший удар выбил ее из рук охотника, а самого Кобылина швырнул на пол.

Алексей перекатился по бетону, вскочил на ноги, как раз в тот момент, когда парень с ножом снова бросился в атаку. Ему было далеко до первого драчуна, и Кобылин без труда перехватил его руку. Дернул на себя, а потом резко отступил назад, закрутив противника и выведя его из равновесия. Тот, не удержавшись на ногах, упал, а его рука, так и оставшаяся в захвате охотника, сухо хрустнула.

Парень тихо вскрикнул, но Кобылину было не до того – он увидел, как к нему подбирается тот самый умелый боец – припадая на разбитую ногу, пытаясь не переносить на нее вес, он все же подходил ближе.

Охотник дернул сломанную руку противника на себя, подхватил вывалившийся из скрюченных пальцев нож и бросился навстречу бойцу, что выставил перед собой руки. Кобылин не купился на сказочку о беспомощном калеке – не доходя до врага, он хлопнулся на землю, прямо на бок, и, вытянув ногу, со всей силы пнул ботинком по разбитой голени врага. Тот глухо вскрикнул и повалился на бетон – вперед, пытаясь дотянуться до Кобылина. Охотник откатился в сторону, вскочил на ноги, вскинул руку с ножом, нависая над беззащитной спиной упавшего бойца... А потом, передумав, с размаху ударил локтем в затылок. Боец ткнулся лицом в землю и затих.

Кобылин, потирая ушибленный локоть, медленно распрямился и окинул взглядом поле боя. Со всех сторон из темноты неслись стоны и отборный мат, перемешанный с плачем. Большинство свечей погасли, но даже в наступившей полутьме Алексей видел, что кое-кого из упавших не хватает. Некоторые, получившие не слишком серьезные травмы, успели сделать ноги, и Кобылин не мог их за это винить. Он бы тоже сбежал от обезумевшего маньяка, устроившего кровавую разборку в подzemелье, уставленном свечами. Одно тревожило охотника, – ему казалось, что на ногах должен был остаться еще как минимум один...

Уловив краем глаза легкое движение, Кобылин резко обернулся. Там, у дальнего края, у одной из горящих свечей, стоял высокий черноволосый человек в бежевом пальто. Его лицо, белое, немного обрюзгшее, украшали очки в дорогой золотой оправе. И это лицо, чисто выбритое, ухоженное, не выражало ничего. Оно было абсолютно равнодушным, как у манекена, которому мастер забыл нарисовать улыбку. Человек просто стоял у стены и смотрел на Кобылина пустым, ничего не выражавшим взглядом.

Кобылин почувствовал, как волосы становятся дыбом, – настолько был этот человек чужд этому подземелью. А тот, не торопясь, поднял руку, не отводя взгляда от Кобылина, отогнул отворот пальто и вытащил на свет большой черный пистолет. Он сделал это медленно, четко и уверенно, без всякого волнения и суеты. Так естественно, что охотник даже не сразу сообразил, что происходит. Лишь когда человек поднял руку и прицелился в Кобылина, тот очнулся от наваждения и взмахнул рукой.

Сухой выстрел громом ударил под бетонными сводами, оглушив Кобылина, и что-то горячее прошило куртку Алексея, пролетев точно между рукой и левым боком. Кобылин дернулся, собираясь увернуться, но тут же расслабился: пуля улетела в темноту, едва не прошив его насквозь – а все потому, что он успел первым.

Человек в бежевом пальто, из лица которого торчала рукоять ножа, по самую ручку вошедшего правую глазницу, стоял неподвижно еще целую секунду. Потом его пальцы разжались, и пистолет звонко загромыхал по бетонному полу. Потом колени странного человека

подогнулись, и он медленно, даже с некоторым изяществом, упал в грязь на полу, раскинул руки и затих.

Кобылин медленно выдохнул, поднял трясущуюся руку и вытер вспотевший лоб. Провел пальцами по распухшему лицу, скривился от проснувшейся боли и тут же подскочил, услышав за спиной грохот. Обернувшись, Алексей бросил взгляд на темный проем туннеля, из которого он выбрался пару минут назад. Из него неслся лязг, как будто кто-то ломал решетку, слышались стуки и громкие голоса.

– О, – прохрипел Кобылин. – Кавалерия!

Окинув быстрым взглядом поверженные тела, он перешагнул через затихшего бойца и похромал к противоположной стене, к другому ходу, что вел в непроглядную тьму. Пора было уходить. И Алексей был уверен, что там, на другой стороне, скрывается еще один подземный ход, который выведет его... куда-нибудь.

Прежде чем шагнуть в темноту туннеля, Алексей обернулся и нашарил взглядом чело- века в бежевом пальто. Тот все так же лежал в грязной луже, раскинув руки, а из его лица торчала намокшая от крови рукоять дешевого ножа.

– Вот скажи, зачем? – пробормотал Кобылин себе под нос. – На фига?

Словно в ответ из темноты, с противоположной стороны, раздалось эхо отборного матер- ного загиба. Кобылин пожал плечами, шагнул в распахнутую пасть подземного хода и пропал в темноте.

Ему вдогонку неслся железный грохот – оперативная группа, обвешанная оружием, про- тискивалась по трубе, ведущей от подвала к канализационному коллектору. На пару минут в подземелье наступила тишина – те из сатанистов, кто уцелел после схватки с охотником, рас- ползлись по углам, пытаясь выбраться из коллектора через соседний выход, что был меньше первого. Остальные лежали тихо – и мертвые, и те, кто всего лишь потерял сознание. Пара све- чей, уцелевшая после побоища, медленно догорала, тихо потрескивая. Над телами колыхалась полутьма, напоминавшая густой туман. И потому спецназовец в черной маске, ворвавшийся первым в подземный зал, не сразу разобрал, что происходит в темноте.

– Полиция, всем на пол, – рявкнул он, опускаясь на колено и выставляя перед собой укороченный автомат. – Лежать, я сказал!

Мимо него в зал пророснули еще двое и не останавливаясь рванули вдоль стен, с двух сто- рон, беря предполагаемого противника в клещи. Первый штурмовик поднялся на ноги и при- целился в темноту перед собой, до боли в глазах всматриваясь в отблески свечей.

Из-за его спины показался опер – коротко стриженный детина в кожаной куртке с мехо- вым воротником. Сжимая вспотевшей ладонью старенький «макаров», он пристроился рядом со спецназовцем и тоже бросил взгляд в темноту.

– Что там? – хриплым шепотом спросил он у бойца.

Тот не ответил, лишь повел стволом автомата из стороны в сторону, словно следя за невидимой мишенью.

– Чисто! – гаркнули из темноты.

– Чисто, – эхом раздалось из угла напротив, и боец опустил автомат.

– Показалось, – коротко бросил он оперу. – Темно.

В этот момент в подвале вспыхнул свет, и пара лучей мощных фонариков залили бетон- ный пол ярким светом.

– Японский бог, – потрясенно прошептал опер и сделал шаг вперед.

Из темного провала вынырнул его напарник, следом за ним еще один, и зал наполнился гулкими голосами возбужденных людей.

У дальней стены, не обращая внимания на полицейских, снующих по подземному залу, спокойно стояла девочка. Худенькая, лет шестнадцати на вид, она была совершенно спокойна. Джинсы, потертые на коленках, черная футболка со стразами, в длинных черных волосах

одна ослепительно белая прядь. Девчонка, которую никто не видел, стояла у стены и смотрела себе под ноги. На ее худеньком заострившемся лице застыло удивленное выражение, словно она никак не могла поверить в то, что видит. На полу, прямо перед ней, растеклась лужа черной крови, а в ней в самом центре лежал длинный острый нож с черной рукоятью.

Девочка медленно вынула из кармана руку, сжатую в кулак, протянула ее перед собой и разжала пальцы. На узкой ладони заплясал маленький хрустальный шарик – абсолютно прозрачный, как слеза. Сделав пару оборотов, он бесшумно лопнул и исчез, оставив после себя призрачный дымок. Черноволосая девчонка медленно опустила руку, пожала плечами и растворилась в темноте.

* * *

Этот чердак переживал не лучшие годы – старый дом, предназначенный под снос, хоть и стоял почти в самом центре города, давно уже пустовал. Огромное помещение, раскинувшееся над последним этажом, давно не видело ни ремонтников, ни строителей, ни даже влюбленных парочек, ищущих уголок потемней. Классическая остроконечная крыша уходила ввысь, и стропила, поддерживающие гнилые доски, терялись наверху, в темноте. Мягкая полутьма окутывала этот большой зал, походивший на чертоги древних воинов. Справа от дома, почти на уровне крыши, горел яркий городской фонарь. Его пронзительный холодный свет лился сквозь дыры в крыше, расчерчивая темный зал светлыми полосами. Нагромождения старой разломанной мебели и бесформенные кучи мусора покрылись толстым слоем пыли и напоминали песчаные дюны, на которые еще не ступала нога человека. В холодном воздухе медленно кружили ледяные хлопья снежинок – мелких, едва заметных, из числа тех, что предвещают скорое окончание холодов. Здесь было пусто, холодно и тихо – как в склепе.

Большая деревянная дверь, обитая разорванными кусками черного дерматина, медленно распахнулась, и скрип ржавых петель разнесся по пустующему чердаку. Из-под обшивки двери посыпалась труха, мутное облако пыли зависло в воздухе. В черный проем двери шагнул человек – среднего роста, но весьма выдающейся комплекции. Плечи у него были широкие, но просторное кожаное пальто, размерами напоминавшее чехол от кресла, не могло скрыть огромный живот, что владелец нес с достоинством. В руке он сжимал длинную полированную палку – трость, выглядевшую тяжелой и основательной. Кожаная кепка плотно сидела на густых лохах, падающих на плечи, и огромная растрепанная борода, спускавшаяся на грудь, укутанную в черный шарф, казалась логическим продолжением густой шевелюры.

Большой человек сделал несколько шагов по пыльной тропинке, потыкал тростью в кресло без ножек, что лежало на его пути, и прищурился.

– Леха! – хрипло позвал он. – Лех, ты где?

Темнота не ответила. Борода снова ткнул в кресло палкой, выбив из рваной обшивки фонтанчик пыли.

– Леха, – с угрозой позвал он. – Если ты...

В темноте прямо над его головой что-то мелькнуло, и толстяк с неожиданным проворством отпрыгнул назад. Он даже успел выхватить из кармана пальто маленький пистолет, казавшийся игрушкой в огромной лапе, и прицелиться в темноту. Потом, спустя долгий миг, Борода опустил руку и смачно выругался.

В темноте, прямо перед ним, плавало перевернутое лицо Кобылина. Мрачное, заострившееся, измазанное пылью. Охотник висел вниз головой, а его ноги, уходившие вверх, в темноту, цеплялись за невидимую балку. Руки Кобылин сложил на груди и, болтаясь в воздухе, как летучая мышь, сосредоточенно сопел, разглядывая своего друга.

– Совсем ополоумел, – буркнул Гриша, засовывая пистолет в карман. – Ты что, в Бэтмена играешь?

– Проверяю кое-что, – мрачно отозвался Алексей, резко выпрямляя руки. – И выгоняю остатки этой дряни из тела. Тренировки. Как и прежде – по шесть часов в день. Лучшее средство.

– Лучше бы в баню сходил, – бросил Борода, подходя ближе и всматриваясь в лицо друга. – Ты сам-то в порядке?

– Жив, – сдержанно отозвался Кобылин. – Как там?

– Как всегда. Паника и вой до небес, – произнес Гриша, не отводя пристального взгляда от лица охотника. – Но это уже их дело.

– Сколько?

– Чего?

– Сколько трупов?

Борода нахмурился, пожевал губами, тщательно обдумывая каждое слово, но потом со вздохом признался:

– Четверо. Но ты, Лех...

Кобылин резко согнулся пополам, взлетел к потолку и исчез в темноте. Завозился там, как потревоженная птица, а потом с едва слышимым шорохом спрыгнул вниз. Приземлился он легко и ровно, как спортсмен после тренировки, но при этом поднял такой клуб пыли с пола, что Борода, закашлявшись, отступил на шаг.

– Кончай, – пробормотал он, прижимая ладонь ко рту. – И так дышать нечем...

– Это все она, – с горечью произнес Кобылин, отряхивая рукав. – Водяра. Мог же ведь лучше рассчитать... Никогда себе не прощу.

– Брось, Лех, – прогудел Борода. – Ты и так был гуманен, как Ганди. В одиночку разбрасал восьмерых голыми руками... Немудрено, что где-то перегнул палку. Да и не стоит их жалеть, ты же сам видел, что они удумали.

– Нет, – отрезал Кобылин, и лицо его застыло в ожесточенной гримасе. – Так нельзя. Это люди.

– Какие люди, – проворчал Борода. – Хуже упырей, ей-богу. Те хоть пожрать ищут, себе жизнь продляют, а эти...

– Нет. Они тоже люди. Хватит и тех, кто приходит за ними из темноты. Если еще и мы начнем отделять зерна от плевел...

– Хорош, – резко бросил Борода. – Хватит ныть. Ты лучше другое спроси.

– Что? – опешил Кобылин.

– Самое главное – сколько живых.

Алексей на секунду задумался, взгляд его застыл, словно охотник прислушивался к внутреннему голосу. Потом медленно, с неохотой, явно страшась услышать ответ, он сказал:

– Ладно. Сколько живых?

– Все, – выпалил Гриша и довольно ухмыльнулся. – Ты был прав, все жертвы были на наркоте. Их готовили к ритуалу, чтобы всех одновременно... того. Ты спас десяток жизней, Леха, и что бы ты ни думал насчет тех шизанутых убийц, от этого тебе никуда не спрятаться. Ты спас десять человек.

– Ну, хоть одна хорошая новость, – Кобылин с облегчением вздохнул. – Хорошо, что я поторопился.

– И это еще не все, – Борода воздел к потолку указательный палец. – Теперь спроси меня, что там самое странное.

– Странное? – недоверчивым тоном переспросил охотник. – Куда уж страннее?

– Спроси, спроси.

– Ну, и что там такого странного ты заметил, чего не заметил я?

– В центре пентаграммы лежал оборотень, – выпалил Борода.

– Оборотень? – удивился Кобылин. – Он там откуда взялся? Я никакого оборотня не видел.

– Понятное дело, не видел. – Гриша кивнул. – Судя по следам, тебе некогда было разглядывать, кто там на полу. А он был сильно ранен, лежал неподвижно. Видно, этим уродам не удалось его усыпить, и они просто его замордовали настолько, что в нем едва теплилась жизнь. Он сдох на руках у оперов, изрядно их удивив.

– Представляю, – вздохнул Кобылин. – И что они?

– А чего они, – Борода пожал плечами. – Как всегда – поступил приказ в письменном виде считать неопознанное существо мутировавшей собакой-выродком вплоть до следующих распоряжений. И все дела.

– Ох, неспроста это все, – Алексей покачал головой.

– А то! Есть у них и в ментовке свои лохматые братья, сто пудов, – отозвался Борода. – Ну, списали его на живодерню, и ладно. Я уж не лез в это дело, чтобы не засветиться. Все, считай, тема закрыта.

– Закрыта так закрыта, – вздохнул Кобылин и провел ладонью по лицу, размазывая грязь по щекам. – Ладно, что у нас дальше?

– Звонил мне тут один тип, просил по старой дружбе разобраться с привидением в новой квартире, – тут же отозвался Борода. – Дает десять штук как минимум.

– Надо будет посмотреть, – бросил Алексей. – Мне новая куртка нужна. А что еще?

– Еще барабашка вроде завелся в девятиэтажке, это мне уж через третьи руки передали. Тоже вроде денежное дело.

– Хорошо, – Кобылин снова вздохнул. – И это глянем.

– Лех, – позвал Борода, демонстративно оглядываясь по сторонам. – Ты это. Того. Когда прекратишь по чердакам скакать?

– В смысле? – Кобылин нахмурился.

– Не пора ли тебе завязать с этим бомжеванием, отец? Прячешься по чердакам да подвалам, живешь впроголодь. Хватит партизанить, а?

– Некуда мне податься, – скупно отозвался Кобылин. – Погорелец я.

– Да брось, – Гриша махнул рукой. – Я тебе какую-нибудь квартирку подешевле вмиг сосватаю.

– Денег нет, – отрезал Кобылин. – Сам знаешь. Все на амуницию уходит.

– И без денег найдем, что-нибудь по знакомству, – не отступил Борода.

– Нет, Гриш, хватит, – зло бросил Кобылин. – Сам понимаешь, что один знает, то и десять других знают. Скажет один знакомый другому знакомому – и привет. Поехали. Сам говорил, слава за мной теперь тянется.

– И что? – Борода презрительно скривил губы. – Ты боишься, что за тобой опять придут?

– Боюсь, – признался Кобылин. – Да, боюсь, что опять придут, устроят пальбу, подожгут дом. Но не за себя. Ты знаешь, что в том пожаре, когда выгорела моя квартира, пострадали два человека? Соседка сверху, пожилая бабка Маня, задохнулась насмерть. Отравилась продуктами горения, так и не откачали. А Петрович, сосед из квартиры напротив, полез тушить пожар и сильно обгорел...

– Перестань, – Григорий нахмурился. – Таких пожаров в день... Сам знаешь. Просто не хочешь никого видеть. Я же знаю. Герой-одиночка, и все такое...

– И это тоже, – не стал отпираться Кобылин. – Никого видеть не хочу. Надоели. Все. Сам говорил, искали меня.

– И еще ищут, – Борода вздохнул. – Многие. В основном те, что работали на Олега. Народ не верит, что все рассыпалось. Нелегко работать в одиночку. Многие думали, что ты соберешь новую команду, начнешь все заново. Вот и ищут, чтобы перетереть пару вопросов.

– Ну уж нет, – Кобылин помотал головой. – Дудки. Хватит с меня этих игрушек в тайные организации. Есть дело – его и делаем. Нет дела – отдыхаем. И никаких партийных билетов, начальников, приказов в письменном виде и прочего говна. Ясно?

– Ясно, – вздохнул Борода. – Только это... Ты же знаешь, охотники народ настырный. Захотят – найдут. Не они, так те самые организации, у которых приказы в письменном виде. И никакие подвалы не помогут. Чего зря страдать-то?

– Пусть побегают, – Кобылин зло ухмыльнулся, оскалил зубы. – Пусть перетряхнут каждый подвал, каждый чердак. Просто так не дамся.

– Ох, Леха, – протянул Борода. – Ну ладно. Вижу, еще не отпустило тебя после пожара. Поговорим еще через месяцок. Ты как, прибрахлился уже или нет?

– Нет, – отозвался Кобылин, теребя остатки куртки, что больше походила на лохмотья бродяги. – Это дело у нас было... Настоящее. Не за деньги.

Борода, кряхтя, запустил руку во внутренний карман и вытащил большой кожаный кошелек. Вытащил из него несколько бумажек и сунул охотнику в руку.

– Это что? – с подозрением осведомился Кобылин. – Откуда?

– Пенсия, – раздраженно бросил Борода. – Осталось еще с прошлого раза. Купи себе куртку. На остальные я патронов возьму.

– Во, – оживился охотник. – Да, патроны! Гриш, совсем труба с этим делом. Достань хоть пачку к «макарову».

– Достану, – пообещал Борода. – Через день рюкзачок будет на том же месте, что и в прошлый раз. А вот с дробовиком твоим – швах. Ну нет таких поставок. Иностранная игрушка, к ней амуниции не возят. Попробую сам набить, из наших гильз, но это, знаешь...

– Попробуй, – попросил Кобылин. – Всего три патрона осталось. Гриш, и поскорей бы.

– Ладно, – бросил Борода. – Завтра или послезавтра достану тебе маслят для «макара». Потом свалю на денек в область – надо кое-какие семейные дела уладить. А потом уж возьмусь за гильзы.

– Идет, – с жаром согласился Кобылин. – Только не пропадай надолго, лады?

– Не пропаду, – отозвался Гриша. – Что мне сделается. Ты это, почту проверь почасе. Напишу тебе емейл. Ну и на мобильнике обычном я, если что.

– Тогда нет проблем. – Кобылин улыбнулся и, сунув руку в карман, похрустел купюрами. – Слушай, пойду я за курткой сбегая, что-то холодно в этом тряпье.

– Давай, – согласился Гриша. – Завтра созвонимся. Эй! Погоди. Какая куртка – ночь на дворе, магазины все закрыты.

– Ничего, – Кобылин подмигнул. – Знаю я одно место. Помнишь китайцев с бывшего Центрального рынка? Тех, что разогнали по окраинам? Я тогда еще оборотня у них завалил.

– Помню, – настороженно отозвался Борода. – И что?

– Знаю, где они ночуют, – отозвался Алексей. – Спят прямо на товарах, в контейнере. Я у них желанный гость в любое время суток. Пойду прибрахлюсь, а то замерз аки цуцик.

– А, – протянул Григорий. – Давай. Бэтмен.

Кобылин подмигнул и подпрыгнул. Бесшумно взвившись в воздух, он уцепился за невидимую балку, подтянулся и растворился в темноте.

Григорий задрал голову, и кепка чуть не свалилась с его лохматой головы. Прислушиваясь к тихим шагам по крыше, что постепенно затихали, он покачал головой. В глазах его застыла тоска и печаль.

– Бедный пацан, – прошептал он, опуская голову. – Бедный искалеченный ребенок.

Вытащив из кармана огромный носовой платок в синюю клеточку, Григорий шумно высморкался, покачал лохматой головой и похромал к распахнутой двери. Ему еще надо было добраться до соседнего дома, где он оставил верный «жигуленок», а потом сделать пару звонков. Всего пару звонков, чтобы это проклятое кровавое шоу могло продолжаться. Потому что

так надо. Потому что так правильно. Потому что на днях они спасли десять невинных душ. И должны сделать это завтра. И послезавтра. И после-послезавтра, не обращая внимания на то, как ломается их собственная жизнь, как умирают по кусочкам их собственные души.

Потому что они – охотники.

Слишком долгая зима

Тонкий ледок предательски хрустнул под ногой. Кобылин затаил дыхание и замер. Привалившись плечом к бетонному выходу с чердака на крышу, Алексей до рези в глазах всматривался в полутьму. Рядом виднелась здоровенная коробка вентиляции, прикрытая остроконечной шапкой из оцинкованного железа. Именно к ней и пытался подобраться Алексей, когда под ногами захрустел мартовский лед, тонким слоем покрывавший залитую гудроном крышу старой девятиэтажки.

Прислушиваясь к темноте, растекшейся по городу вязкими чернилами, охотник до боли сжимал холодную рукоять «макарова» с длинным глушителем. Снизу, от шоссе, доносился гул проезжающих машин, со двора слышались приглушенные раскаты музыки, но здесь, в черной пустоте, под тяжелой шапкой сырых облаков, закрывавших луну, было тихо.

Кобылин осторожно выставил вперед ногу и перенес на нее вес тела. Поморщился, когда под рифленой подошвой тупоносых кожаных ботинок раздался противный хруст. Потом шагнул еще раз. И замер, наставив пистолет перед собой.

В темноте виднелись ноздреватые мокрые сугробы, оставшиеся с зимы, а чуть дальше белело оцинкованное железо, которым был обит край крыши. Ни перил на краях, ни заборчиков – никаких ограничителей. И один-единственный выход на крышу – над подъездом старой кирпичной девятиэтажки. Он же – вход, который и охранял охотник. Крыша пуста, прятаться тут негде, деваться тварюге некуда. Она где-то здесь.

Алексей медленно выдохнул, и пар белой дымкой растаял в темноте – хоть по календарю и наступила весна, ночами улицы города прихватывал самый настоящий мороз. Кобылин чуть опустил пистолет, целясь в подозрительный темный сугроб, и сделал еще один шаг.

Три патрона – повторил он. Осталось только три. Надо попасть. Обязательно. Несмотря на холод, мороз, скользкую крышу проклятой девятиэтажки и чертову темень. Вопреки ожиданиям, на крыше было довольно темно – поблизости не оказалось высотных домов, в которых могли бы светиться окна, а уличные фонари казались блеклыми пятнышками внизу. И все же Алексею почудилось, что одна из теней подозрительно шевельнулась – вот там, у сугроба, что лежал на самом краю крыши. Он сделал еще шаг, вбирая в себя все окружающие звуки, стараясь всей кожей уловить малейшие колебания воздуха. И в тот же миг тень кинулась на него.

Лед захрустел под когтистыми лапами, и под ноги Кобылину метнулся черный рычащий комок. Охотник спустил курок – тускло бухнул выстрел, и тотчас мокро чавкнула крыша, принимая в себя кусок свинца. Тень и не думала останавливаться, лохматый ком размером с разжиревшего пуделя в облаке брызг и осколков льда в долю секунды перемахнул полкрыши и оказался около охотника.

– М-мать! – выдохнул Кобылин, нажимая на спуск.

Он выстрелил прямо себе под ноги, и пуля вновь с глухим стуком вошла в гудрон крыши. Больше Алексей ничего не успел сделать – по левой голени словно дубиной рубанули. Вскрикнув от боли, Кобылин рухнул как подкошенный, плюхнулся лицом в талую лужу. Ногю, разом онемевшую от боли, ухватили острые когти, Алексея дернуло с места и потащило по мокрому снегу.

Изловчившись, охотник пнул тварь свободной ногой. Та взвизгнула – попал. Перевернувшись на спину, Кобылин ткнул стволом «макарова» в темноту у ног, но тут же от сильного рывка опрокинулся навзничь, хлопнувшись затылком об лед. Проклятая тварь вцепилась в ногу и с неожиданной силой поволокла охотника к краю крыши.

Захрипев, Алексей изогнулся, собрав свободной рукой полную горсть снега в попытке ухватиться хоть за что-нибудь. Из всех сил рванулся в сторону, взмахнул свободной ногой

и тут же почувствовал, что под ногами – пусто. Пропась. Самый край крыши, мокрый, обитый железом, скользкий, как язык сатаны.

Взревев, Кобылин откинулся на спину, подобрал под себя ноги и уперся рифлеными подошвами в листовое железо, пытаясь отодвинуться подальше от опасного края. Ему даже удалось нащупать упор и приподняться, сесть... В тот же миг в плечо ударило тяжелое лохмотое тело, надсадно хрипя и брызгая слюной.

Кобылин обхватил тварь левой рукой и прижал к себе, стараясь не думать о лапах с длинными когтями, что в мгновение ока превратили его куртку в лохмотья.

– Добрый вечер, – прошептал Алексей, вжимая глушитель в лохматый бок твари.

Та коротко взвизгнула, рванулась в сторону, пытаясь вывернуться из захвата. Кобылин попробовал ее удержать, дернулся следом и почувствовал, как под ним распахнулась бездна.

– Зараза, – успел бросить он, заглядывая в пропасть.

Он нырнул вниз, так и не отпустив лохматой твари. Лишь через долю секунды, уже на лету, он отшвырнул скулящий комок в сторону и вытянул руку, повинаясь древнему, как весь род приматов, инстинкту.

Время замерло, загустев, как отвердевший мед. Кобылин парил у стены девятиэтажки как раз напротив общих балконов. Он летел вниз животом, раскинув руки, как парашютист в свободном падении, и разодранная куртка вилась за плечами. Пистолет он так и не бросил – в нем оставался один патрон. Не то чтобы берег пушку – просто не успел. Времени не было ни вздохнуть второй раз, ни разжать пальцы. Лишь левая рука тянулась к дому, к людям, к человеческому теплу. К спасению. Вот мимо медленно проплыл балкон верхнего этажа, пустой и заброшенный. За ним потянулся второй, мелькнуло перекошенное, белое, как простыня, человеческое лицо... А потом пальцы Кобылина ударились о железный поручень балкона, и время пустилось вскачь.

Со стоном охотник впился в мокрое железо всей пятерней, отчаянно жалея, что у него нет таких когтей, как у проклятущей твари. Пальцы задержались на мокрой трубе, намертво смыкаясь вокруг железа, и тело охотника, описав дугу, с размаху хлопнулось о кирпичную кладку балкона.

Кобылин всхрипнул от боли – рывок чуть не выдернул ему руку из плеча. От сотрясения пальцы соскользнули с мокрой трубы, но тут же мертвой хваткой впились в железный штырь, на котором держались перила.

Застонав от боли в плече, Алексей тут же опустил голову, пытаясь понять, почему боль так и не проходит. И увидел – почему.

Тварь висела на его левой ноге, вцепившись огромными ногтями в зашнурованное голенище ботинка. Болталась, вытянувшись лохматой сосиской, и скребла задними лапами по перилам следующего балкона, в попытках нащупать опору. В лицо Кобылину глянула звериная морда с огромными зелеными глазами, пылавшими в темноте. Свиное рыло с курносым пяточком, заросшее короткой черной шерстью, выглядело даже забавно, но под ним виднелась распахнутая зубастая пасть с собачьими клыками. Зеленые глаза яростно сверкнули, и Кобылин понял, что тварь сейчас бросится ему в лицо, рванет по его телу, как по столбу, не обращая внимания на опасность сорваться в пропасть.

Он успел первым – опустил правую руку, ткнул глушителем прямо в пылающие зеленым огнем глаза и спустил курок. «Макаров» сухо кашлянул, а следом раздался звонкий щелчок – охотник по привычке нажал спуск еще раз, уже не думая о патронах.

Тварь замерла, словно обдумывая неприятную мысль. Не отводя горящего взора от Кобылина, она медленно распахнула узкую пасть, длинный язык вывалился промеж клыков. Кобылин перестал дышать – неужели он промахнулся с такого расстояния? Но потом он увидел третий глаз зверя, появившийся чуть выше зеленых зенок – черную дыру с гладкими краями, не сразу заметную в густой шерсти. Дыра набухла гладким черным шаром, который медленно

лопнул и растекся по свиному рылу густой жижей. Зеленые глаза твари потускнели, хватка ослабла. Лапы разжались, и мертвое тело бесшумно кануло в темноту, скользя лохматым пятном в полосах света по дороге к первому этажу.

Кобылин проводил глазами падающую тварь – не отворачивался, пока та не рухнула на крышу подъезда с глухим стуком, подняв тучу брызг из подмерзшей лужи. И лишь потом негромко застонал от боли, сунул пистолет за пазуху и вскинул вверх правую руку, пытаясь уцепиться за мокрые перила.

Натужно пыхтя, Алексей нашарил второй штырь, на котором держались перила, а потом заскреб ногами по кирпичной кладке, пытаясь нащупать дыру для стока воды с балкона. Со второго раза ему удалось воткнуть в нее носок правого ботинка и перенести вес на ногу. Шумно выдохнув, Алекс оттолкнулся, рванулся вверх и рывком перевалился через перила на каменный пол балкона, вонявший мочой и дешевым пивом.

Блаженно застонав от облегчения, Кобылин откинулся на спину, разбросал руки и целую минуту просто лежал на спине, наслаждаясь жизнью. Потом, выдохнув крепкое словцо, сел. Подняв руку, ухватился за перила, рывком поднялся на ноги и смерил долгим взглядом мужика, вжавшегося спиной в стену общего балкона.

На вид ему было лет тридцать. На плечи накинута клетчатый потертый халат, из-под него виднелись синие треники с белыми полосками, напоминавшие лампасы. Короткие волосы, начавшие редеть на макушке, стояли дыбом, лицо белело в темноте, как кусок штукатурки. Глаза распахнуты, рот приоткрыт, а к нижней губе прилепилась тлеющая сигарета.

– Чего зришь? – хмуро осведомился Кобылин, вытаскивая из-за пазухи ствол. – Что, руку протянуть и помочь человеку западло, что ли?

– Ва-ва-ва, – выдавил мужик, закатывая глаза.

Кобылин расстегнул куртку, превратившуюся в лохмотья, и сунул пистолет с опустевшим магазином за пояс потертых джинсов. Китайскому пуховику пришел конец – его располосовало так, словно он в мясорубке побывал. А вот войлочная подкладка, которую Кобылин сшил сам, устояла. В крепком войлоке вязли любые когти, и это с лихвой перекрывало недостатки самодельной одежды.

Запахнув остатки куртки, Кобылин присел, закатал джинсы и осмотрел ногу. Защитные щитки на голень, что посоветовали в спортклубе, не подвели – сами пали в неравной борьбе с когтями твари, но хозяина защитили. Правда, не совсем – тварюга пару раз все же зацепила икру, Алексей чувствовал, как по ноге ползут капли крови. Но это мелочи. Совершенные мелочи по сравнению с тем, что могло бы случиться, не надень он спортивную защиту.

Со стоном выпрямившись, охотник шагнул в дверной проем. Потом, опомнившись, вернулся назад и подошел к мужику, пытавшемуся слиться со стеной.

Глянув ему в глаза, Кобылин протянул руку и снял с побелевшей губы почти дотлевшую папиросу. Глянул на бычок, потом щелчком отправил в темноту.

– Курить – вредно, – наставительно произнес Кобылин. – Дурь всякая после этого мерещится. Понял?

Мужик мелко закивал, и Кобылин, развернувшись, вышел на площадку, к лифтам. Вдавлив кнопку вызова, он обернулся к балкону, но мужик не подавал признаков жизни. Кажется, даже старался не дышать. Хмыкнув, охотник покачал головой и шагнул в распахнувшиеся перед ним двери.

Всю дорогу вниз до второго этажа он насвистывал и пытался счистить с разодранного рукава грязное пятно. Когда лифт остановился, Алексей вышел на площадку, шагнул на общий балкон, перелез через перила и тяжело затопал по крыше подъезда к черному пятну в луже талой воды.

Тварь была мертва – и дыра в голове, и расплющена, – мертвее не бывает. Брезгливо ухватив покойницу за лохматую лапу, Алексей без долгих раздумий поволок изломанное тело к балкону. Там свернул к лестнице – лифтом пользоваться не хотелось.

Спустившись на первый этаж, Кобылин выглянул в подъезд, к лифтам, где тускло светила одинокая энергосберегающая лампочка. Здесь было пусто, что не удивляло – редко кто из жильцов бродит по дому после часа ночи. Оглянувшись, Алексей быстро поднялся по лестнице к общему коридору и позвонил в первую квартиру. Тварь он так и держал в руке. С нее капало на пол что-то темное и густое, и Кобылину совершенно не хотелось думать, что именно.

После второго звонка, настойчивого и длинного, дверь, обитая искусственной черной кожей, вздрогнула.

– Кто там? – раздался приглушенный голос.

– Это Кобылин, – ответил охотник. – Все как договаривались.

Дверь распахнулась, в лицо Алексею ударил сноп света, и он, не церемонясь, тут же шагнул в прихожую, оттеснив хозяина квартиры в глубь коридора.

Тот, зябко кутаясь в пушистый белый халат, отступил на пару шагов и подслеповато прищурился на охотника. Пухлый старикан с огромной лысиной и длинным носом не выглядел испуганным – лишь очень недовольным.

– Я не понимаю, – начал он и тут же икнул, когда охотник поднял руку, демонстрируя свой товар.

– Все как договаривались, хозяин, – сказал он хриплым голосом подвыпившего сантехника. – Получите в лучшем виде.

– Это что? – севшим голосом хрипло осведомился хозяин квартиры, цапая пятерней халат на груди.

– Барабашка, – невозмутимо отозвался Кобылин. – Та самая тварь, что бедокурила в квартирах, а потом придушила ночью девчонку с девятого этажа. Легла ночью на грудь и придушила, а все подумали, что асфиксия от аллергии.

– Каааакая барабашка? – протянул толстяк, не в силах оторвать взгляда от твари.

– Мертвая, – отрезал Кобылин и бросил тварь на желтый линолеум, забрызгав темной кровью зеркальную стенку шкафа-купе.

– Позвольте, – промычал хозяин квартиры. – Это же... Я, как председатель товарищества жильцов... Мне посоветовали... Мне сказали...

– Вам сказали, – перебил его Кобылин, – что вас быстро и надежно избавят от нечистой силы, поселившейся в доме.

– Да, – прошептал посеревший толстяк. – Но...

– Что – но? – раздраженно переспросил Кобылин. – Вы что, думали, я буду бегать по лестнице с дымящим кадилом и бубнить скороговорки?

– Ну, в общем и целом, да, – признался толстяк и, взяв себя в руки, решительно запахнул халат на груди. – Так. С этим покончено?

– Других не обнаружено, – отозвался охотник. – Все чисто.

– Значит, как договаривались?

– Точно так. Задаток получен, осталось получить расчет.

Отвернувшись, хозяин квартиры дрожащими руками распахнул створку зеркального шкафчика и вытащил из него две купюры по пять тысяч. Потом, изогнувшись так, чтоб ненароком не приблизиться к труп нечисти, протянул деньги охотнику.

Кобылин принял плату и без колебаний сунул в карман. Потом развернулся и взялся за ручку двери. Хозяин квартиры издал горлом странный звук, похожий на тихий всхлип.

– Что? – Кобылин обернулся.

– А это? – толстяк ткнул дрожащим пальцем в труп на полу его прихожей.

– А это – вам, – любезно отозвался Алексей. – На добрую память с наилучшими пожеланиями.

– Не, не, не, – председатель товарищества замахал руками. – Так не пойдет. Не пойдет! Что я с ним делать буду?

– Чучело набейте, – хладнокровно посоветовал Кобылин. – Скрасит вам досуг долгими зимними вечерами и отлично развлечет гостей.

– Заберите его бога ради! – взмолился толстяк, заламывая руки. – Уберите это из моей квартиры!

Кобылин смерил долгим взглядом толстяка, потом глянул на труп твари.

– Ладно, – наконец вздохнул он. – Еще пятерку.

– Пятерку? – переспросил толстяк.

– Пять тысяч, – отозвался Кобылин, – за утилизацию.

– Утилизацию? – тупо переспросил хозяин квартиры.

– Ну, я пошел, – отозвался Кобылин, берясь за ручку двери.

– Стойте! Подождите. Вот... еще...

Кобылин принял протянутые деньги, задумался, потом переложил их в задний карман джинсов. Немного подумав, скинул с себя изодранную в клочья куртку, завернул в нее дохлую тварь и взял ее подмышку.

– Теперь в расчете? – спросил он.

– В расчете, – выдохнул едва живой хозяин. – Все.

– Будьте здоровы, – отозвался Кобылин. – Всего наилучшего, спасибо за сотрудничество, в случае необходимости обращайтесь в нашу компанию. Всегда будем рады быстро и качественно выполнить ваш заказ.

И под испуганный хрип толстяка он шагнул за дверь.

Быстро спустившись по лестнице, выскочил во двор, оглянулся по сторонам. Людей поблизости не было, лишь вдалеке, у перекрестка, стояли у машин двое подростков. Кобылин, оставшийся лишь в свитере и жилете, зябко поежился и потрусил к углу дома, стараясь не слишком сильно прижимать к себе уже намокший сверток. На углу он быстро отправил труп тварюги в огромный мусорный бак и с чувством выполненного долга медленно зашагал по улице к соседнему кварталу. Метро еще не работало, и нужно было дожидаться утра в каком-нибудь теплом подъезде. На душе было спокойно и хорошо. И работу свою сделал, и едой обеспечен на пару недель. Новую куртку можно купить на рынке, и даже дешевле, чем всегда – китайцы еще не забыли, как он выкурил из лабиринта контейнеров того полудохлого оборотня. Оставалась одна проблема – патроны. Запас подошел к концу, а так просто, на улице, боеприпасы не купить. Придется все-таки позвонить Грише, хотя он и велел хотя бы денек его не дергать. Ну что тут поделаешь – охотникам отгулы не положены.

* * *

Чердак, приютивший Кобылина на этой неделе, был не лучшим из его временных жилищ. Но и не худшим. Здесь, в старой девятиэтажке, жильцы были тихие и мало интересовались тем, что творилось у них над головой, а местные ремонтники пока не добрались до этого старья.

Вернувшись с покупками с рынка, Алексей дождался момента, когда в подъезде стало тихо, и тенью прошмыгнул на последний этаж. Там, легко открыв замок на решетке, который он сам и повесил пару дней назад, поднялся на чердак. Здесь было темно и сыро. Большое помещение, в котором едва можно было выпрямиться во весь рост, уходило в темноту. Его пересекали трубы, частью заложённые кирпичами, кое-где виднелись подозрительные бугры мусора, а все свободное пространство у входа было оплетено разноцветными проводами. Кобы-

лин легко проскользнул сквозь эту паутину телефонных кабелей и проводов компьютерной сети и, пригнувшись, зашагал в темноту, пока не добрался до своей лежанки.

Алексей устроился на славу – старый матрас прятался за большим куском кирпичной кладки, что наполовину прикрывала горячую трубу. Здесь можно было скрыться от чужих глаз и согреться. И, что самое главное, тут работал вай-фай.

Бросив покупки на пол, Кобылин с размаху уселся на драный матрас, достал из щели в стене ноутбук в чехле, вытащил его и включил. Пока компьютер загружался, Алексей порылся в пакете и выудил еще теплый пирожок. Скрестив ноги, он уселся на матрас и впился зубами в хрустящую корочку. Горячее повидло прыснуло на язык, приятно обожгло рот, и Кобылин довольно замычал.

При зыбком свете экрана он принялся любоваться покупками. Самая значительная – новая куртка – уже приятно грела спину. Алексею удалось ухватить ее на распродаже – крепкую теплую куртку из плотной ткани, такую, какую обычно носят спортсмены-лыжники. И тепло, и сухо. Раньше бы Алекс решил, что материал – прорезиненный брезент, но теперь куртки делали из таких материй, названия которых он и не знал. Тем не менее куртка ему понравилась сразу – и не промокает, и капюшон есть, и застежки надежные, и достаточно просторная, чтобы спрятать в себе массу разных опасных и острых штучек. Кроме этого Алексей добыл чистое белье, широкий пояс, пару ремней и рулон спортивных бинтов, которыми собирался замотать растянутую руку. Еще прихватил немного консервов, сухой лапши и копченой колбасы. Ну и различной мелочовки вроде перчаток, зажигалки и точилки. Все что нужно, кроме одного – патронов.

Вздыхнув, Кобылин уткнулся в экран ноутбука, меланхолично жуя сладкий пирожок. В целом жизнь была прекрасна и замечательна. Вот только очень хотелось помыться. Да и нужно было менять место расположения. У него был еще один денежный заказ – надо было проверить новый кондоминиум, но вряд ли там удастся много заработать, скорее всего, у богатенького жильца разыгралась мания преследования. А деньги нужны – надо было хотя бы на день снять номер в гостинице, чтобы привести себя в порядок. Идти на дело без огневой поддержки не хотелось, случаи разные бывают. Паранойя паранойе рознь.

Первым делом Алексей проверил почту в своих пяти почтовых ящиках. Ничего интересного, лишь уведомления о новых сообщениях с форумов, где Алекс подыскивал себе работу. Он привычно запустил поиск о странных происшествиях в городе, открыл страничку с форумом, на котором паслись озабоченные вампирами подростки, а пока она грузилась, зашел в «ящик», о котором никому не было известно, – никому, кроме вездесущих спамеров, конечно. Там было только одно письмо – от Григория. То самое, позавчерашнее, в котором он говорил, что ему надо на время уехать из города, чтобы навестить родственников в области.

Хмыкнув, Кобылин обновил почту. Ничего. Задумчиво почесав отросшую на подбородке щетину, он вытащил из внутреннего кармана куртки старый потертый мобильник. С сомнением глянув на экран, быстро набрал привычный номер.

В динамике захрипело – мобильная связь на чердаке оказалась не ахти. В отличие от открытой точки вай-фай Интернета, которую позабыла закрыть паролем какая-то девушка из квартиры ниже.

– Абонент недоступен, – наконец прорвалось сквозь хрип, и Кобылин тихо выругался.

Сунув мобильник в карман, он забросил в рот последний кусок пирога и принялся просматривать сеть. На форумах не оказалось ничего интересного – для него, охотника, ищущего странные истории. Не было ничего стоящего и на новостных сайтах. Тогда Кобылин нашел список дешевых гостиниц и начал просматривать его, страдальчески морщась при виде цен. Что бы он там ни говорил Бороде о безопасности, но бродячий образ жизни сидел у него в печенках. Алексею до смерти надоело жить на чердаках и в подвалах, сейчас он был уже готов поступиться своими принципами и завалиться к кому-нибудь на дачу, на недельку. Просто чтобы

почувствовать себя снова человеком. Отогреться, сходить в баньку, поспать на нормальной кровати...

Шорох в дальнем углу заставил Кобылина подхватиться и бесшумно вскочить на ноги. Он привычно потянулся за пистолетом и тут же вздрогнул, вспомнив, что патронов в нем нет. Кобылин бесшумно вытащил из заднего кармана большой раскладной нож и раскрыл его, стараясь не шелкнуть замком.

Все это время он всматривался в полумрак на чердаке, вслушивался в его пыльные глубины, пытаясь понять, что такое двинулось там, в темноте. Но все было тихо. Кобылин чувствовал – всем телом, всей шкурой, – что там что-то есть. Живое, мохнатое, теплое. И маленькое.

Затаив дыхание, Алексей одним прыжком перемахнул кирпичную кладку и рванулся в темноту. Из-под ног с мявом шарахнулся пушистый клубок и, пробуксовывая по пыльному цементу, умчался в дальний угол.

Кобылин, ухмыльнувшись, сложил нож. Уже прыгая, он процентов на девяносто был уверен в том, что это кот. И все же оставался небольшой шанс, что мелкая пушистая тварь не будет иметь отношения к кошачьему роду.

Обернувшись, Кобылин вернулся к своей лежанке, насвистывая прилипчивую песенку, которую услышал вчера на одном из сайтов. Но, едва усевшись на матрас, нахмурился. Это и в самом деле мог оказаться не кот. А патронов не было и не предвиделось. Кроме того, на душе было как-то беспокойно. Алексею вдруг стало зябко, он оглянулся по сторонам и плотнее запахнул куртку. Все как-то не так. Гриша никогда не пропадал раньше так надолго. В письме он точно указал, что уезжает на сутки. Но прошло уже три дня.

Алексей открыл письмо, перечитал, стараясь обнаружить информацию между строк, разобрать те намеки, что мог оставить Гриша. Все вроде яснее ясного. Он уезжал в дачный поселок, чтобы провести родственников жены. Тещу, кажется. Алексей уже слышал о забавной старушенции, живущей в дачном домике и выращивающей картошку на огороде. Гриша как-то рассказывал. И название у той деревни было такое забавное...

Вытащив телефон, охотник снова нажал кнопку вызова. И сидел целую минуту, вслушиваясь в металлический голос робота. Потом открыл в компьютере карту и набрал название поселка, в котором жила родственница Бороды. Оказывается, не так уж далеко от города. Да, малонаселенные края, глухомань, но добраться можно. Не тайга, чай. Пара часов на электричке, потом полчаса на раздолбанном автобусе – ничего сложного.

Спрятав телефон в карман, Кобылин сунул руку за воротник и поскреб отчаянно зудящую шею. Банька. Деревенская. Хрустящие простыни. Вареная картошечка с солью и ломтем масла после прогулки по заснеженному лесу...

Застонав, Кобылин откинулся на спину и заложил руки за голову. Гриша же не откажет своему боевому другу в таких мелочах, верно? Надо съездить навестить этого обормота. Вдруг по хозяйству надо чем помочь – дрова нарубить, яму выкопать или что там еще. У Бороды же нога большая, ему нельзя. А маленький деревенский домик, засыпанный снегом...

Засыпая, Кобылин был уверен в том, что это – знак. Подарок судьбы. Он чувствовал, что должен, нет, просто обязан отправиться в ту глухомань и навестить Гришу, застрявшего в деревне. Просто обязан.

* * *

Когда двери электрички со скрежетом разошлись в стороны, Кобылин, зябко поежившись, выпрыгнул на платформу, засыпанную снегом. Уже рассвело, но сквозь низкие хмурые тучи солнце почти не пробивалось. Бодро хрустя свежим снежком, Алексей отошел в сторону,

обернулся и окинул взглядом пустую станцию. Две платформы, четыре нитки железнодорожных путей, по сторонам – глухой лес, засыпанный снегом. И больше ничего. И никого.

Глухо свистнула электричка и тут же загромыкала, набирая ход. Кобылин проводил ее долгим взглядом. Железная гусеница, неторопливо постукивая, изогнулась и скрылась за поворотом, в лесу. Под серым небом остались только две пустые платформы, снег и лес.

Кобылин зевнул, прикрывая рукой рот, и вновь поежился. После теплой электрички, в которой он проспал два часа, здесь, на платформе, было холодно. Кругом лежал снег, да такой, словно зима все еще была в самом разгаре. Казалось, сюда, за город, весна еще не дошла, затерявшись где-то в спальных районах.

Обернувшись, Алексей окинул взглядом дальний конец платформы. Там, за ним, виднелась небольшая площадка, изрытая следами машин. На обочине торчал одинокий ларек – большая торговая палатка, сложенная из серых бетонных блоков с красной остроконечной крышей и одним-единственным окном. Железная дверь палатки была плотно прикрыта, но около нее маячили двое субъектов помятого вида в пуховиках и вязаных шапочках, а рядом высился выцветший дорожный знак парковки. Видимо, это и была автобусная остановка, которую Алекс нашел на карте.

Поправив сумку на плече, Кобылин решительно зашагал к краю платформы. До дачного поселка Роднички еще далеко, отсюда километров двадцать, в самую глушь. Но туда должен ходить автобус, если не врет карта. Но чем ближе Алексей подходил к краю, тем яснее понимал, что этот рейс, мягко говоря, не регулярный.

Спрыгнув с платформы, он тотчас по колено провалился в снег и, отчаянно матерясь, побрел к утоптанной площадке, разбрасывая сугробы. Выбравшись на твердое место, поднял воротник, натянул шапку на самый нос и решительным шагом направился к двум типам у ларька, что уже заприметили незваного гостя и теперь вызываяще на него тарасились. Обоим было за сорок, оба обросли щетиной, но один, с кривым носом, выглядел посвежее, да и курточка у него была почище. В зубах он держал сигарету, а вот его товарищ мял дрожащими пальцами папиросу.

– Здорово, отцы, – поприветствовал их Кобылин, подходя ближе. – Что скажете, автобус сегодня ожидается?

– Здорово, коли не шутишь, – отозвался мужичок с папироской, окидывая гостя мутным взглядом. – Какой тебе автобус-то?

– Тридцать второй, – деловито отозвался Алексей. – Тот, что до садового товарищества.

– До Родничков-то? – небрежно бросил носатый тип. – Может, и будет. В обед, поди.

– Вот зараза, – сокрушенно выдохнул Кобылин. – До обеда тут торчать, так и околеть можно.

– А на что тебе Роднички? – закинул удочку носатый. – Ты не местный вроде.

– Друг у меня там, – с широкой радостной улыбкой выдохнул Кобылин. – Гостит у тещи. Просил помочь по хозяйству, ну и поляну обещал накрыть.

– А, – протянул тип с папиросой. – Дачники.

Носатый прищурился, смерил охотника оценивающим взглядом. Кобылин, уже догадавшийся, к чему идет дело, широко улыбнулся, стараясь излучать дружелюбие. Бывают случаи, когда надо казаться опасным, лютым, бешеным подонком, этакой ходячей проблемой с доставкой на дом. А бывают, когда нужно выглядеть жизнерадостным идиотом, способным в любой момент скинуть с плеча гитару и затянуть песенку про костры, леса, туман и перевалы.

– Ты тут долго постоишь, – предрек наконец носатый. – Утренняя смена из поселка уже уехала на работу. Теперь транспорт будет в обед. А может, и вечером, к тому времени, когда обратно народ потянется. А в Роднички и вовсе сегодня ничего не будет.

– Это почему? – искренне удивился мужичок с папиросой.

– Потому что Михалыч вчера отмечал с кумом в поселке, – отозвался носатый, кинув на друга злой взгляд. – За баранку до вечера не сядет, а Кузьмин на тридцать третьем рейсе подменяет того чернявого.

– А, ну ясен пень, – бросил мужичок, смущенно покашливая. – Да, если уж Михалыч начал отмечать, то это надолго, да.

– Что ж делать-то, отцы? – сокрушенно спросил Кобылин. – А? Замерзну я тут.

– Ну, раз такое дело, – протянул носатый, затягиваясь сигаретой, – отвезу я тебя до Родничков.

– На чем поедет-то, отец? – ухмыльнулся в ответ Кобылин. – На санях?

Местный без слов мотнул головой, и Алексей заглянул за угол палатки. Там, в сугробах, стояла белая «Нива», заляпанная замершей грязью по самую крышу.

– Эва, – Кобылин засмеялся, – вот и транспорт! Сколько возьмешь?

– Тыщу, – без колебаний бухнул носатый.

Кобылин снова засмеялся, обернулся к местным.

– Ну, ты загнул, отец! За тысячу я сейчас тут в палатке сяду и буду греться до самого автобуса! Поди, все ж протрезвеет к вечеру ваш Михалыч да выйдет на маршрут.

– А чего, чего, – оживился второй мужичок, отбрасывая окурочек папиросы. – Это мы запросто. У меня товару – завались. Дня на три точно хватит.

– Э, ну да, – раздраженно бросил носатый. – Хлебнешь твоего товару да потом... Тебя как звать-то?

– Леха я, – радостно улыбаясь, выдохнул Кобылин.

– Ну, скока дашь, Леха?

– Три сотни дам, пожалуй.

– В такую даль три сотни? – притворно изумился носатый. – Пять!

Кобылин нахмурился. Деньги у него были, хотя основной запас он оставил в городе, на теплом чердачке в тайнике с ноутбуком. Но и расшвыриваться деньгами не хотелось, уж больно трудно ему они доставались. С другой стороны, на улице не то что не тепло, а скорее холодало. Мороз был градусов в десять, если не все пятнадцать. Так, действительно, и простыть недолго.

– Ладно, отец, поехали, – решил наконец Кобылин. – Обернешь ты меня до нитки, но хоть погреюсь в твоём лимузине.

– Поехали! – обрадовался носатый. – Костян я, слышь. Давай, рванули прямо сейчас.

Даже не попрощавшись с продавцом палатки, водила развернулся и зашагал к машине. Кобылин подмигнул на прощание разочарованному продавцу, лишившемуся потенциального покупателя, и двинулся следом.

Пока хозяин «Нивы» забирался на свое место да открывал двери, Кобылин перетаптывался с ноги на ногу, пытаясь понять, какого черта тут, в лесах, стоят такие холода. В городе уже растаяло почти все. Хотя это широко известный факт – в больших городах всегда на пару градусов теплее. Там машины, заводы, предприятия, народ, опять же, с центральным отоплением. Греется воздух над городом, греется.

Юркнув в приоткрывшуюся переднюю дверь, Кобылин устроился в кресле и поставил на коленки огромный рюкзак, что глухо звякнуло.

– Что там у тебя? – водила кивнул на сумку. – Бухло?

– Инструмент, – отозвался Кобылин. – Надо помочь корешу с ремонтом. А то не дождешься от него поляны.

– Помочь – дело хорошее, – одобительно отозвался Костян, заводя машину.

Кобылин поерзал на холодном сиденье, устраиваясь поудобнее, и спрятал руки в карманы куртки. Похоже, в машине еще холодней, чем на улице. Железная тачка промерзла насквозь, и казалось, еще немного, и воздух внутри нее кристаллизуется.

– Ничего, сейчас нагреется, – буркнул Костян, и двигатель «Нивы» взревел.

Кобылин шмыгнул носом и притих, пытаясь согреться. Костян тем временем оставил двигатель включенным, чтобы прогрелся, а сам выскочил из машины и, утопая по колено в снегу, бросился к ларьку. Вернулся он минут через пять. Из кармана куртки у него торчал блок сигарет, а под мышкой он держал большую штыковую лопату.

– Пригодится, – буркнул он, бросая ее на заднее сиденье. – А то края там дикие, всякое может быть.

– Может, поедем? – предложил окоченевший Кобылин.

Костян глянул на приборы, нахмурился, потом со вздохом вытащил из-за плеча ремень и пристегнулся.

– И ты пристегнись, – бросил он пассажиру. – А то тут такие кочки, не ровен час еще головой в лобовуху воткнешься.

Пока Кобылин возился с ремнем, Костян тронул машину с места, и та, надсадно ревя мотором, стала перекатываться по сугробам. Потом выбралась на площадку у остановки и пошла ровнее. Алексей справился с ремнем, а «Нива», набирая скорость, устремилась по наезженной дороге, уходившей в лес.

– Я, пожалуй, покемарю, Кость, – сказал Кобылин, обнимая свой рюкзак и устраиваясь на нем щекой. – Ты разбуди, если что.

– Ну попробуй, – водила хмыкнул. – Если уснешь по такой дороге-то.

– Не выпался, – признался Кобылин, – рано очень выехал.

– Оно и видно, – разочарованно буркнул водила, рассчитывавший скоротать дорогу за разговорами.

Кобылин даже ответить не успел, – уснул, как только его щека коснулась рюкзака.

* * *

Проснулся Кобылин оттого, что в мире что-то переменялось. Дернулся, вскинул голову и только тогда сообразил, что машина стоит, тихо рыча двигателем, пущенным вхолостую.

Алексей скосил глаза на водительское место – Костяна на сиденье не оказалось. Брошенный руль, обернутый замшей, был свернут набок, а в замке зажигания покачивались ключи с черным брелоком. Распрямившись, Кобылин машинально сунул руку в широкий рукав, где за подкладкой прятался длинный нож, но тут заметил шофера. Он стоял перед машиной и всматривался в пустую дорогу, что тянулась сквозь высокий хвойный лес узкой бесконечной полосой. Оттянув пальцем левый рукав, Алексей бросил взгляд на часы и удивленно хмыкнул – прошло чуть меньше часа. Вообще-то, по всем расчетам, они должны были уже приехать на место.

Отстегнув ремень безопасности, Кобылин распахнул дверь и выскользнул из машины. И тут же по колено провалился в снег на обочине. Мороз больно куснул за лицо, и охотник недовольно замычал. Похрустывая свежим снежком, он обошел «Ниву» и присоединился к водиле, что стоял в глубокой колее.

– Чего стоим, кого ждем? – осведомился Кобылин, пряча руки в карманы.

– Стоим вот, – буркнул Костян. – Замело все нах.

Он махнул рукой в сторону, и только сейчас Кобылин заметил, что там, в паре метров от вставшей машины, виднеется небольшой съезд с дороги. Он спускался к деревьям, превращался в узкую дорогу, на которой не разминутся двум машинам, а она уже терялась в глубинах елового леса, засыпанного снегом.

– Нам туда? – спросил Кобылин, шмыгнув носом.

– Тебе, – уточнил Костян. – Тебе туда. Это съезд к Родничкам. Замело-то как, японский бог. Видать, уже два дня никто не выезжал.

– Ну? – спросил Алексей, тиская в кармане мобильный телефон. – Два дня?

– А то и три, – бросил Костян и сплюнул в снег. – А чего им там. Народу сейчас почти нет, сидят по домам, квасят, телик смотрят. Потом кому-нить припрет смотаться в город за продуктами, вот и выедет. С лопатой, досками и такой-то матерью.

– Так что, едем или как? – задумчиво спросил Кобылин, осматривая пустую дорогу и низкие серые тучи, из которых того и гляди посыплется снег.

– Или как, – недовольно отозвался водила. – Не проеду я там. Сяду на брюхо, и капец. Не откапаюсь.

– Да ладно, – буркнул Кобылин, с неприязнью оглядывая нетронутые сугробы. – У «Нивы» посадка высокая, не то что у этих заграничных драндулетов.

– Посадка-то высокая, да ямы тут тоже не заграничные, а отечественные, – отозвался Костян, затягиваясь сигаретой. – Сяду всеми колесами в колею, что еще осенью прокатали, и привет. Не. Не полезу, извини, братан.

– И чо мне делать? – раздраженно бросил охотник.

– Сойдешь с дороги и пешочком. Тут минут пять идти, не больше. Да, снегу наберешь в сапоги, но потом у кореша своего отогреешься. А мне тут, если что, куковать придется до вечера, пока Михалыч проспится, да на базу выйдет, где грузовики стоят.

– Может, попробуем? – сказал Кобылин, широко улыбаясь. – Лопата есть. Я помогу, если что. Веток под колеса набросаем...

– Лопата, – буркнул Костян. – Лопатой той сраной только по балде кому засадить, да и то сломается. Нет. Не полезу.

Алексей шумно втянул носом воздух, и мороз обжег ноздри, чуть не заставив их слиться. Плохо. Морозец-то настоящий, не то что в городе.

Костян же щелчком отбросил бычок в снег и выдохнул свой последний аргумент:

– Триста.

Глянув на водилу исподлобья, охотник подумал, не заставить ли засранца взяться за руль силой? Нет. Не тот случай. Ничего, не сахарный, дойдет сам.

Молча расстегнув молнию на куртке, он достал кошелек, вытащил три сотни и сунул их Косте. Потом, храня молчание, вернулся к машине, вытащил из нее свой рюкзак, закинул за спину и потопал к занесенному снегом съезду с дороги.

Водила так и мялся у машины. Когда Алексей проходил мимо, он дернулся, словно хотел что-то сказать, но потом лишь махнул рукой. Кобылин же ступил на край дороги, провалился в снег и начал спускаться по заснеженному съезду, разгребая ногами сугробы. Позади взревела мотором «Нива», но охотник не обернулся – уже выкинул водилу из головы, сосредоточившись на новых проблемах.

Пять минут по такому снегу – значит, верные десять, если не больше. Кобылин решил, что это приемлемо, если думать о предстоящей баньке. А думать было трудно – мороз кусал за лицо, отогревшееся в машине, да грыз костяшки рук. Продолжая шагать к деревьям, охотник вытащил новенькие вязаные перчатки, натянул их на замерзшие руки – хоть какая-то защита. Потом надвинул вязаную шапочку на самый нос, накинул капюшон куртки. Сразу стало теплей – жить можно. Ботинки у него были высокие, на шнуровке, что-то типа армейских ботов, сделанных для подросших мальчишек, что так и не наигрались в солдатики. Они должны были выдержать небольшую прогулку по снегу. Джинсы, правда, не особо грели, но Кобылину показалось, что это не слишком большая плата за отдых в деревне. Мороз его особо не волновал. Волновало его совсем другое.

Шагая по дорожке, выходящей между разлапистых елей, Кобылин думал о том, почему у Бороды не работает телефон. Он звонил ему уже раз десять, и каждый раз робот милым женским голосом сообщал, что абонент недоступен. Забыл зарядить? Вряд ли. Не берет связь в этой глухомани? Может быть. Но почему Гриша застрял на три дня в этой деревне? Не может

выехать из-за снега? Ну он же не один там живет. Если нужно, собралась бы команда, почистили дорогу. Наверное.

Идти по глубокому снегу было трудно, но не так тяжело, как ожидал Алексей, пускаясь в дорогу. Он заметил, что если переходить с одной стороны дорожки на другую, то можно нащупать твердый снег под сугробами. Главное было не проваливаться в ямы, о которых говорил Костян. А так в целом все было очень неплохо, не считая того, что он брел сквозь елки уже минут пятнадцать, а впереди не было и намека на поселок.

Остановившись, Алексей оглянулся по сторонам. Картина была удручающе однообразной – ровные ряды елок да нетронутый снег под ними. Если здесь и существовала когда-нибудь дорога, то сейчас ее не было видно. Во многих местах деревья стояли далеко друг от друга, и дорога, в принципе, могла пролегать где угодно. Но на белоснежном покрове не было никаких следов.

Кобылин осторожно стянул шапку с головы и прислушался. Морозец тут же принялся щипать за уши. В звенящей тишине заброшенного леса слышалось только тихое потрескивание качающихся деревьев. Это тут, внизу, тихо. А наверху ходит ветерок, качая верхушки лесных великанов. Затаив дыхание, Кобылин вслушивался в тишину леса, пытаясь услышать хоть какие-то признаки человеческой жизни. Было тихо. Даже не гудели вдалеке машины, что было для Алексея самым странным – он, как житель города, давно привык к постоянному звуковому фону, что сопровождал его всю жизнь. А здесь – тихо. По-настоящему.

Наконец впереди что-то глухо треснуло, словно захлопнулась сырая дверь. И следом чуть слышный звон – металлом о металл. Все это прозвучало так тихо, что Кобылин едва расслышал. Он тотчас натянул шапку и двинулся вперед, уже не обращая внимания на отсутствие дороги. Он шел на звуки людского жилья, и ошибиться здесь было невозможно.

Перебираясь через сугробы, охотник тяжело дышал сквозь стиснутые зубы, и облачка пара поднимались над его головой. Было холодно, чертовски холодно – как в самый разгар зимы. Кобылин, раздвигая руками ветки орешника, что стал попадаться на пути, решил, что пришли те самые весенние заморозки, которыми порой пугают синоптики. Настроение портилось на глазах – еще час назад Алексей был преисполнен предвкушения купания в теплой бане и последующего банкета. А теперь мерз посреди зимнего леса. Раскидистые лапы елей закрывали от него хмурое небо, что нависло над лесом серым покрывалом, превращая день в густые сумерки. Это тоже настроения не улучшало. Так что, когда впереди среди деревьев забрезжил просвет, Кобылин был уже готов материться в полный голос.

Увидев, что лес кончается, Кобылин поднажал и рванул напрямик через сугробы, проваливаясь по пояс. Через пару минут он выбрался на окраину леса и вздохнул с облегчением. Дошел.

Лес и в самом деле кончился, открывая поселок, приютившийся посреди зарослей. Даже отсюда было видно, что он не так уж и велик – десятка два самых разнообразных домиков, построенных по бокам дороги. Над дорогой высились гигантские разлапистые железные мачты – это шла через лес высоковольтная линия передачи. Именно под нее и была прорублена в лесу просека, а уж потом кому-то пришла в голову глупая идея отдать под дачи и огороды землю под линией. Даже здесь, на краю поселка, Кобылин слышал тихий гул и треск от проводов, висевших высоко над головой.

– Вот дурачье, – пробормотал Алексей, перебираясь через последний сугроб.

Здесь, прямо у леса, уже стояли домики, охотник вышел как раз к двум маленьким одноэтажным строениям с остроконечными крышами, что больше напоминали выкрашенные в голубой цвет сараи, чем настоящие дома. На его пути оставалось одно лишь препятствие – оказалось, что поселок обнесен высоким забором из крупноячеистой сетки рабицы, что крепилась к бетонным столбам, вбитым в землю. Метра два высотой. Нахмурившись, Кобылин вцепился пятерней в сетку, покачал ее – еле держится. Тогда он отошел в сторонку, выбрал

сугроб побольше и с него перебрался на столб, к которому крепилась рабица. Лезть было очень неудобно – сетка гнулась, толком уцепиться было не за что, но Кобылин не сдавался – картина теплой бани, как никогда, манила замерзшего охотника. Очутившись наверху столба, он осторожно перебрался по другую сторону сетки, едва не разорвав куртку в двух местах, призадумался, а потом просто прыгнул в ближайший сугроб. И провалился по пояс.

Отчаянно матерясь, Кобылин двинулся к домикам, разгребая снег руками, как пловец, пытающийся выйти из моря. Выбравшись на твердое место, он чуть перевел дух, а потом стал пробираться к дорожке между двумя домиками.

Выглядели они братьями-близнецами – одноэтажные, с маленькими крылечками, обшиты досками. У обоих – невысокие деревянные заборчики, над которыми торчат одинокие деревья, засыпанные снегом, кажется яблони. И оба заброшены, занесены снегом по самые окна. Судя по всему, это летние домики дачников, что на зиму перебираются в город.

Выйдя на узкую дорожку между двумя заборчиками, Кобылин покачал головой и двинулся дальше, к большой центральной дороге, что проходила поселок насквозь. Проходя мимо домов и огородиков, засыпанных снегом, Кобылин подумал, что, в общем-то, это неплохая идея – пустые дома. Конечно, добираться сюда далеко, но вполне можно время от времени навещать такие заброшенные поселки, чтобы передохнуть и почувствовать себя человеком. Главное – не попасться местным. Дачники за свой милый домик порвут незваного гостя на части не хуже самого лютого вервольфа.

Добравшись до широкой дороги под линией электропередачи, Кобылин скинул капюшон куртки и огляделся. Оказалось, не так сильно ошибся с направлением – вышел к поселку у самого въезда, у двух крайних домов. Метрах в ста от него находились ворота – железные столбы, вкопанные в землю и перечеркнутые шлагбаумом, выкрашенным черно-белыми полосками. Рядом расположилась большая пустая площадка, используемая в качестве стоянки, – на ней нашли приют два старых «жигуленка», почти занесенных снегом, и «ЗИЛ» с кунгом, выкрашенный почему-то в желтый и красный цвета, как машина аварийно-технической службы. За ним виднелись два больших сугроба – под ними явно скрывалась пара легковых машин, которых никто не касался с прошлого года.

Повернувшись, Кобылин окинул взглядом противоположный конец поселка. Широкая центральная дорога вела к дальнему краю леса, там виднелась вырубка под мачты высоковольтки, уходящая дальше в лес, но она уже успела сильно зарастить. Дома там не строили, видимо, проход был закрыт. От центральной дороги расходились короткие съезды, что и вели к дачным домикам. Те не баловали разнообразием – большинство выглядели как чуть расширенная версия одноэтажного сарая. Порой, правда, попадались деревянные домики в два этажа – неладно скроенные коробки старых времен, когда об архитектурном дизайне для простых граждан никто еще не слышал. Выбивались из общего ряда только два дома, построенные на дальнем краю поселка. Одним из них был огромный трехэтажный дом из красного кирпича, с остроконечной крышей, на которой виднелась засыпанная снегом спутниковая тарелка. У домика и забор был под стать – высокий, метра два, из желтого кирпича, с большими железными воротами. Второй дом, что располагался напротив, выглядел немного усохшей копией первого – тоже из красного кирпича, но всего два этажа, и забора нет. Вокруг него расстилась гладкая площадка, и вряд ли это был огород, скорее уж стоянка, залитая бетоном.

Над первым, самым большим домом поднимался легкий дымок – видно, кто-то из местных топил камин, наверняка плохо сложенный и чадающий. И это было единственным признаком жизни в заброшенном месте, засыпанном снегом.

Шмыгнув носом, Кобылин взглядом измерил расстояние до большого дома. Выдавать еще один марш-бросок по сугробам не очень-то хотелось. Ему пришла на ум страшная мысль: а что, если Бороды и в самом деле тут нет? Что, если он давно уехал вместе с родственниками и теперь наслаждается городской жизнью? Неужели он зря тащился в такую даль?

Тяжело вздохнув, Кобылин решил, что если все так и есть, то он точно засядет на пару дней в одном из пустых домов и устроит настоящий загул. И плевать на соседей, пусть хоть всей деревней соберутся его выгонять – фигу с маком получат.

Оглянувшись, Алексей поискал взглядом будку у въездных ворот. Должен же здесь быть сторож или охранник... Или на худой конец какой-то дед, что присматривает за воротами? Надо же узнать, в конце концов, появлялся тут Григорий или нет.

Никакой будки у ворот не было. Зато Алексей заметил, что один из «жигуленков» – белая «шестерка» – стоит передними колесами на дороге, словно водитель собирался выехать со стоянки да на минутку притормозил, чтобы найти что-то в бардачке. Присмотревшись, Кобылин заметил, что за рулем виднеется чья-то фигура.

– Ну хоть что-то, – буркнул он, направляясь к стоянке.

До нее было гораздо ближе, и Алексей решил, что проще будет поймать местного на машине, чем ломиться в ворота большого дома.

Последний десяток метров Кобылин чуть ли не бегом бежал – боялся, что водитель уедет, не став дожидаться какого-то неместного обормота. Успел – водитель даже движок не начал прогревать. Торопился он и еще по одной причине – машина очень напоминала «жигуль» Гриши, и за рулем сидел кто-то грузный, похожий размерами на Бороду. Да, машина один в один, но охотник бы не пропустил бегущего по снегу одинокого человека.

– Эй, – задыхаясь, бросил Кобылин, постучав в стекло пассажирского места. – Эй, отец, можно вопрос?

Не получив ответа, разозленный и замерзший Алексей рванул на себя дверцу машины, и она послушно распахнулась. Кобылин нагнулся, сунулся в салон, опершись рукой о сиденье пассажира. За рулем сидел грузный мужик в толстой старой дубленке с меховым воротником. Мохнатая шапка-ушанка была надвинута на лицо, руки спрятаны в отворотах, словно водитель решил их погреть, прежде чем браться за руль.

– Эй, отец, – с раздражением бросил Кобылин, – чего не отзываешься? Не спи, замерз-нешь.

Протянув руку, он схватился за плечо мужика в дубленке и тотчас отдернул руку. Один долгий миг Кобылин не дышал и вслушивался в окружающую тишину, в которой звенели провода высоковольтки. Потом осторожно подался вперед, ухватил дубленку за воротник и рывком повернул водителя к себе.

На него глянуло белое от изморози лицо. Абсолютно белое. На посиневших щеках лежит иней, а в широко распахнутых глазах блестят мутные льдинки.

Очень осторожно Кобылин разжал пальцы и обвел ошалевшим взглядом знакомый до боли салон с потертыми чехлами на сиденьях. Да, все точно – это машина Гриши. Вот только за рулем – не он. И слава небесам, что не он, но... Сжав зубы, Кобылин, пятась, выбрался из салона. Очутившись на улице, сбросил с плеча сумку и вжался спиной в холодный бок машины.

Перед ним расстилался опустевший поселок, над которым висели серые лохматые тучи, набухшие сырым снегом, готовым обрушиться на дома. В тишине, накрывшей поселок тугим одеялом, едва слышно гудели провода высоковольтки. Здесь все выглядело таким тихим, мирным... мертвым.

Очень медленно Кобылин, не отрывая взгляда от пустой дороги, открыл клапан рюкзака и сунул в него руку. Плавным движением выудил верный маленький дробовик, походивший на огромный кремниевый пистолет, и застыл, прислушиваясь к тихому зуду в вышине.

Вокруг было по-прежнему тихо и пустынно. Лишь над самым дальним домом, сложенным из красного кирпича, вился легкий дымок. Волосы на затылке Кобылина встали дыбом, грозя поднять шапку. Он вдруг ясно ощутил, что дышит слишком часто, как загнанный зверь. И ему вдруг стало стыдно. Это ведь... Всего лишь охота. Очередная охота, только и всего.

Помотав головой, Кобылин отлепился от машины и сделал шаг к дороге. Потом еще один. В правой руке он сжимал дробовик, в котором оставалось три патрона с серебряной картечью. В левой – тяжелый рюкзак, которым можно сбить с ног любого, кто ходит на двух ногах. Это судьба. От нее не сбежишь на дачу, не возьмешь отгул, не уедешь в отпуск.

Кобылин чуть присел и мягко, по-кошачьи, зашагал по дороге к большому дому, над которым вился белый дымок.

* * *

Идти по главной дороге оказалось не так сложно, как пробираться по сугробам в лесу – под ногами чувствовались крепкие бетонные плиты, не так уж сильно засыпанные снегом. Пройдя сотню метров, Кобылин забросил рюкзак за плечи и пошел быстрее, настороженно поглядывая по сторонам.

Дачный поселок спал глубоким зимним сном, одноэтажные домики, засыпанные снегом, выглядели мирными и опустевшими. На месте огородов виднелись белые поля нетронутого снега, из которых айсбергами торчали остовы парников. Ледяная пелена ложилась на стылую землю белыми волнами, превращая поля в подобие песчаных дюн, безмолвных, пустых.

Эта мертвенная неподвижность, эта тишина и пугала охотника больше всего. Кобылину, привыкшему к неумолкаемому городскому шуму, стало не по себе. Он давно уже не нервничал на охоте, повидал достаточно, чтобы перестать удивляться и дергаться при каждом подозрительном звуке. Но это белое безмолвие, дышащее лютым зимним холодом, действовало ему на нервы.

Алексей приноровился наконец к глубокому снегу, перестал обращать внимание на промокшие до колен джинсы и минут за пять добрался до конца основной дороги. Прямо перед охотником, в конце дороги, высился огромный коттедж из красного кирпича, с остроконечной крышей, с печными трубами, над которыми курился легкий дымок. Самое большое здание в поселке было надежно укрыто от окружающего мира высоким кирпичным же забором, в котором виднелись массивные железные ворота.

Кобылин оглянулся, приметив, что очутился на небольшом перекрестке. Прямо от его ног налево уходил съезд с главной дороги, ведущий к паре небольших домиков, скрытых за щуплыми деревянными заборчиками. Маленькая дорожка, уходящая направо, вела к еще одному дому – деревянному, двухэтажному творению советских дизайнеров, что прятался за чахлой рощицей яблонь, так и не набравших силу.

Охотник оглянулся. За ним, к самому выезду, тянулась взрыхленная полоса – его собственные следы. Впереди, до самых ворот особняка, тянулось снежное нетронутое полотно. За особняком виднелась заросшая кустарником вырубка, уходящая дальше в лес, следуя за линией высоковольтки.

Застыв, Кобылин снова огляделся, окинув внимательным взглядом оба съезда. Идти вперед не хотелось. Нетронутая снежная целина неприятно напоминала охотнику о минном поле. Черт его знает, что там может быть, подумал Алексей и тут же устыдился. Какое, к псам, минное поле в занюханном дачном поселке? Надо просто подойти и разобраться, что тут происходит.

И все же, делая шаг вперед, на перекресток, он невольно присел, пробуя ногой ноздреватый снег. Нащупав опору, перенес вес на переднюю ногу, потом шагнул снова, и еще раз, и еще...

Заметив краем глаза движение справа, Кобылин не раздумывая повернулся всем телом, вскидывая дробовик. И замер. Там, на дороге, ведущей к домику в яблонях, что-то шевельнулось.

В снегу, прямо на ровном месте, вспух сугроб. Ноздреватый снег подрагивал, трясся, сыпля снежинками, словно из него пыталось вылезти что-то размером с собаку. Алексей без трепета взял бугорок на прицел. Стрелять не стал – для дробовика слишком далеко, серебряная картечь уйдет в «молоко». Лишь бросил быстрый взгляд на дорожку, ведущую к дому, – нет ли новых целей.

Сугроб рванулся вперед и бодро покатился по заснеженной дорожке к охотнику, разбрасывая белые комья, оставляя за собой колею. Кобылин не дрогнул, лишь чуть опустил ствол, корректируя прицел. Сугроб катился к нему – не быстро, но уверенно, словно какая-то тварь ползла под снежным покровом. У Кобылина не было и тени сомнений в том, что теплого приветствия ожидать не стоит. Возможно, и был шанс, что неведомая штуковина просто хочет пообщаться, но припомнив труп в «жигуленке» Гриши, Кобылин решил, что этот шанс слишком мал.

Когда до странно подвижного сугроба остался десяток шагов, Алексей нажал на спуск. Выстрел дробовика раскатом грома разорвал звенящую тишину, нависшую над поселком. Серебряная картечь ударила в сугроб, выбив из него фонтан белого снега, и в тот же миг неведомая тварь рванулась вперед, ускоряя бег и увеличиваясь в размерах, как снежный ком, катящийся с горы.

Кобылин развернулся и прыгнул. Даже не передернул затвор дробовика, не вскрикнул – просто рванул с места и огромными прыжками помчался по заснеженной дороге к маленькому домику с остроконечной крышей, что больше напоминал сарай. Он уже ни о чем не думал и ничего не прикидывал – рвал во все лопатки прочь от неведомой твари, как подсказывал ему инстинкт.

Хватая ледяной воздух открытым ртом, Алекс прыгал с ноги на ногу, как спортсмен, готовящийся к прыжку в длину. Проваливался по колено в снег, спотыкался, но тут же наверстывал упущенное, даже и не думая оглядываться. Со спины тугой волной накатывал холод – страшный обжигающий холод, который Кобылин почувствовал в тот миг, когда сугроб рванулся ему навстречу. От него не было защиты, его нельзя было застрелить или зарезать, от него можно было только бежать. И он бежал.

За пару секунд Кобылин добрался до покосившегося забора из потемневших деревянных реек, за которым скрывался небольшой садик у дома, напоминавшего сарай. Не останавливаясь, охотник с разбега вломился в хлипкий забор, тот захрустел, поддался, и Алексей вместе с обломками реек рухнул в снег. Рванулся прыжком с места – к домику, до которого оставалось десяток шагов, не больше. Ему было нужно опередить эту тварь на десяток секунд. Всего десяток, не больше...

Домик, размером с однокомнатную квартиру хрущевки, был сложен из белых кирпичей, и у него имелось только одно окно – старое, с прогнившей рамой, с самыми обычными стеклами. Покосившееся деревянное крыльцо было засыпано снегом, до железной двери с навесным замком было не добраться, но туда Кобылин и не собирался.

Одним длинным прыжком он подскочил к окну и с размаху ткнул в него дробовиком. Осколки стекла брызнули во все стороны искрящимся фонтаном, один зацепил щеку, но Кобылин не обратил на это внимания, он шуровал дробовиком в оконном проеме как простой палкой, сметая торчащие осколки. Потом ухватился рукой за центральную рейку, уперся ногой в стену и рванул на себя. Гнилое дерево заскрежетало, поддалось и сломалось, выплеснув в лицо охотнику ворох трухи. Кобылин швырнул дробовик в черный проем, подскочил, хватаясь за деревянные края, и нырнул в окно, упав животом на узкий подоконник.

В спину ударила ледяная волна холода, забралась под куртку, резанула по разгоряченной спине. Кобылин, заорав, рванулся вперед, нырнул головой в темноту и рухнул на пол, опрокинув хлипкий деревянный стул.

Тотчас дом вздрогнул – что-то с мокрым шлепком ударило в его стену, тяжело и мощно, как океанская волна. Сразу стало темно – окно словно заткнули пробкой, и на Кобылина, возившегося в темноте на полу, посыпался снег.

Раскинув руки, Алекс нашарил ледяной дробовик, поднялся на ноги, чуть не опрокинул простой деревянный стол, и тут же в стену дома ударила вторая волна снега. В полутьме Алексей увидел, как из разбитого окна на пол комнаты потоком изливается мокрый снег. Не раздумывая, он схватил стол и притиснул его к окну, пытаясь хоть как-то заткнуть снежный фонтан. А потом, не дожидаясь следующего удара, рванулся в темноту, к входной двери.

Путаясь ногами в хламе, разбросанном по полу, натыкаясь на ведра и табуретки, Алексей с грохотом прорвался сквозь вязкую темноту и уткнулся лицом в брезентовое полотнище, свисавшее с потолка. Это подобие входа в палатку должно было спасти дачников от сквозняков из распахнутой летом двери, но сейчас оно лишь мешало охотнику, лихорадочно шарящему руками по сторонам.

Новый удар сотряс дом, и Кобылин услышал, как загрохотал деревянный стол, отброшенный в глубь комнаты потоком снега, ввалившимся в окно. Алексей шарахнулся в сторону и чуть не сбил лестницу – обычную садовую лестницу, прислоненную к голой кирпичной стене у самого входа в дом. Именно ее он и искал.

Вскинув руки, Кобылин ухватился за верхнюю перекладину, рывком подтянулся и в мгновение ока взлетел на чердак. Здесь было намного светлее – крыша оказалась дырявой и сквозь прорехи в листах рубероида, наброшенных на деревянные ребра крыши, лился дневной свет. Тяжело дыша, Алексей перебрался через баррикаду из старых стульев и деревянных ящиков, расшвырял ногами сноп мокрого и подгнившего сена и, перемахнув через барьер из туго набитых мешков, оказался у дальней стены чердака.

Доски под ногами вздрогнули – в кирпичную стену снова ударила снежная волна. Охотник сунул дробовик в разрезанную подкладку новой куртки, выхватил нож, раскрыл длинное лезвие и одним взмахом рассек лист рубероида, служившего крышей этому сараю. Нож увяз в липкой дряни, так и не разрезав лист до конца, но Кобылин сунул руку в получившуюся дыру, раздвинул ее края и глянул в образовавшуюся прореху. То, что он увидел, его обрадовало – через узкую дорожку, буквально в десяти метрах отсюда, высился кирпичный забор, за которым виднелся большой особняк.

Времени у Кобылина не было, это он прекрасно осознавал, поэтому без затей двинул ногой по широкой доске, к которой был прибит рубероид. Доска треснула, поддавалась, и охотник навалился на нее плечом. Подгнившее дерево затрещало, рубероид лопнул, и Кобылин вылетел из дыры в крыше, оставив на обломках доски капюшон от куртки.

Падение было недолгим. Алекс даже не успел испугаться, что упадет на какую-нибудь тляпку, забытую нерадивым огородником. Он только успел об этом подумать, как рухнул в глубокий снег, раскинув руки крестом. Прямо грудью, плашмя, как падают в кино. И тут же, не обращая внимания на боль в растянутом плече, рванул с места вперед, разгребая снег руками как заправский пловец.

Вздымая волны снега, Кобылин выскочил из сугроба и на четвереньках рванул через заснеженную дорогу к двухметровому кирпичному забору, что маячил впереди. Холода он уже не чувствовал, думал только о том, чтобы не попасть в яму и не вывихнуть ногу. У забора он оказался в два прыжка и с разбега кинулся на желтую стену. Вскинув руки, он птицей взлетел вверх, ухватился за край забора... И тут же упал обратно, набрав полные горсти мокрого снега.

Отплеываясь, Кобылин сел, потом со стоном приподнялся, чувствуя, как боль пульсирует в выбитом на прошлой охоте плече. Тогда ему чуть не выдернуло руку из сустава, и сейчас травма давала о себе знать. Тяжело дыша, он рывком поднялся на ноги и присел, услышав оглушительный треск за спиной.

Обернувшись, Кобылин нервно облизнул губы. Маленький домик, из которого он только что выбрался, покосился набок. Крыша съехала в сторону, превратившись в исковерканный ком черного рубероида, из которого, как ребра, торчали сломанные доски. А там, под ними, шевелилось что-то белое, как ожившая пена прибоя.

В лицо Алексу дохнул неземной холод – звенящий, острый, способный разрезать кожу как ножом. Кобылин стиснул зубы, обернулся к забору, смерил его долгим взглядом и отступил на шаг. Потом, понимая, что у него остался последний шанс, прыгнул вперед.

На этот раз он сделал пару шагов, подпрыгнул, уперся ногой в боковину четырехугольного заборного столба, оттолкнулся от него и швырнул свое тело как можно выше. В последний момент Кобылин успел извернуться и закинуть левую руку на забор по самый локоть. Повиснув на согнутой руке, он вскинул правую, ухватился за верхний кирпич и заскреб ботинками по забору, пытаясь подняться выше. Руки скользили, но Алексей рвался вверх, царапая ногтями обледеневшие кирпичи. Потом правая нога нашарила чуть выступающий кирпич – всего лишь крохотную ступеньку, на которую и встать-то было нельзя. Но Кобылину, отчаянно хотевшему жить, хватило и этого – оттолкнувшись носком ботинка, он взмыл над забором, навалился на него животом и сдавленно охнул, когда дробовик впился в ребра.

Приподнявшись на руках, Кобылин закинул на забор правую ногу и бросил взгляд вниз. Внутренний двор, скрывавшийся за забором особняка, не очень-то его удивил. Это оказалось пустое белое пространство, наглухо засыпанное снегом. Вот только в нем виднелись странные почерневшие воронки, словно двор бомбила вражеская авиация. От закрытых ворот к широкому кирпичному крыльцу с двустворчатой деревянной дверью вела узкая, едва заметная тропинка. Даже не тропинка – так, след одного человека, но Алексею хватило и этого. Здесь были люди. Живые. Значит, и он может выжить.

Перемахнув через забор, Кобылин спрыгнул в снег и провалился по самую грудь. Размахивая руками, он выбрался из сугроба и, отчаянно отплевываясь, начал пробираться к дому – напрямик, через пустой двор, на котором даже деревья не росли. Дом, огромный, как древний замок, нависал над двориком. Три этажа красного кирпича, строгие окна, закрытые наглухо белыми раздвижными ставнями. Справа к дому примыкал огромный сарай с покатой крышей – по широким воротам Кобылин определил, что это гараж. Машины на три, не меньше. Кто-то из местных неплохо жил, судя по воплощенным мечтам. Но сейчас Алексея больше волновали крепкие стены дома, а не доходы его владельца. Вот что волновало его, продирающегося сквозь снежный покров на дворе, – выдержат ли кирпичные стены удар той проклятой снежной волны. И как далеко она отсюда.

Когда он добрался до середины двора, в спину ударила уже знакомая волна холода. Алексей рывком выпрыгнул из снега, как поллюющая лиса, рванулся скачками к крыльцу, но не успел. Краем глаза он еще заметил, как за плечами вырастает белый снежный вал, а потом что-то толкнуло его в спину и швырнуло лицом в снег.

Кобылин забарахтался в ледяном месиве, попытался встать, но руки по плечи утонули в снегу. Его потащило вперед, потом швырнуло обратно, перевернуло на спину – точно как океанская волна, играющая с неумелым пловцом. Алексей рванулся вперед, но на грудь ему упала волна снега, что залепил лицо и набился в рот. Он замахал руками, но сверху упала еще одна волна, и Кобылин начал тонуть в мокром месиве.

Свет померк, на грудь навалилась свинцовая тяжесть, и Алексея притиснуло к земле. Снег давил сверху плотным мокрым одеялом, его тяжесть не давала шевелиться, не давала вздохнуть, и через миг охотник оказался плотно упакован в тугий снежный кокон. Холода он не чувствовал. Чувствовал удушье – воздуха уже не хватало, а перед глазамиплыли разноцветные круги.

Алексей напряг плечи, пытаясь подтянуть руки к лицу, но не смог пошевелиться. Вокруг стало темно, легкие свело судорогой, и охотник захрипел в своей снежной могиле, понимая, что отсюда ему уже не выбраться.

И тогда пришел свет.

* * *

Кобылин, увидевший зыбкое сияние, мягко сочащееся сквозь толщу снега, перестал дышать. Ждал, когда появится она – девчонка с белой прядью в черных волосах. Придет ли она к нему или будет дожидаться там, наверху? Он знал, что получит ответ на этот вопрос через пару секунд, но все равно волновался. Как это будет? Как?

Стало светлее. Снег, облепивший лицо Кобылина, вдруг потеплел, словно наверху развели огромный костер. Почувствовав на лице влагу, охотник замотал головой, рванулся вверх и сел среди развороченного сугроба, жадно хватая воздух раскрытым ртом. Он ничего не видел – снег по-прежнему облеплял лицо холодной мокрой маской. Зато слышал тугой гул и хруст шагов по снегу.

Жадно втянув воздух, пахнувший гарью, Кобылин вскинул руки и смахнул с лица мокрые комья подтаявшего снега. И сдавленно застонал от открывшейся картины.

Спиной к нему стоял невысокий, плотно сложенный мужик, походивший на медведя, напялившего длинный кожаный плащ. Длинные кучерявые лохмы вились по плечам, ниспадая на странную конструкцию, висевшую за плечами. Она напоминала старый, еще советский туристический рюкзак, в который запихнули большой железный баллон красного цвета. К баллону серым скотчем была примотана большая коробка, из которой шел гибкий шланг, скрывавшийся под мышкой у мужика. Руки тот держал перед собой, и не зря – прямо на глазах Алексея от здоровяка в сторону ворот ударила пятиметровая струя огня, что с воем лизнула снег, оставив в нем талую проплешину. Больше никаких следов – похоже, это была не горячая жидкость, а просто газ.

– Твою мать, – выдохнул Кобылин. – Ну, вы уже совсем...

Здоровяк обернулся, и Алексей увидел искореженное злой гримасой лицо Григория. Растрепанная борода стояла дыбом, а в руках охотник сжимал длинную трубу, к которой была примотана скотчем ручная горелка.

– В дом! – проревел Григорий, взмахнув трубой. – Бегом, бегом...

Кобылин со стоном вскочил на ноги и бросился к крыльцу, оскальзываясь на ходу. За спиной вновь заревело пламя – борода прикрывал отход друга, скользившего на подтаявшем снегу. Бежать было тяжело – все тело болело, перед глазами плавала муть, но Кобылин одним рывком одолел сугробы перед крыльцом и взлетел по мокрым ступеням к деревянной двери. Рывком распахнув ее, нырнул в темноту и чуть не разбил голову о вторую дверь – железную, грубо сваренную из железных листов.

– Параноики, – простонал Кобылин, с трудом распахивая тяжеленную дверь и протискиваясь в открывшуюся щель.

Ввалившись в огромный светлый зал, он тут же замер и вскинул руки – ему в лицо глянул черный зрачок оружейного ствола. Его сжимал высокий парень лет тридцати – широкоплечий коротко стриженный блондин с лихорадочным румянцем на щеках. Парня всего трясло, и ружье, оказавшееся гладкоствольным карабином, ходило в его руках ходуном. Целился он от бедра, сжимая оружие двумя руками, и Кобылин тут шумно сглотнул, представляя, что в любую секунду может получить в лицо порцию крупной свинцовой дроби.

– Тихо, парень, тихо, – проворковал он. – Я свой. Не надо нервничать.

При этом он успел бросить быстрый взгляд за спину здоровяку, пытаясь оценить ситуацию. Первый этаж особняка впечатлял – это оказался огромный зал, простирающийся от одной

стены здания до другой, этакая прихожая, в которой можно давать званые обеды. Светлый паркет, светлые, обитые вагонкой стены, в дальнем углу деревянная винтовая лестница на второй этаж. По бокам в стенах виднелись двери, по две с каждой стороны. Простенько, незамысловато – явно сэкономили на дизайнере. Вдоль стен – диваны с наваленным тряпьем, пара комодов, шкаф с зеркальными дверцами...

– Спокойней, – попросил Кобылин, заметив, что парень вздрогнул, когда во дворе вновь загудел огнемёт. – Ты кто? Как тебя зовут?

– Саня, – неожиданным басом отозвался парень и вдруг со вздохом опустил ствол.

– А я Леха, – в тон парню отозвался Кобылин, медленно опуская руки.

– Кобылин, да? – с надеждой выдохнул блондин, окидывая взглядом разодранную куртку охотника.

За спиной Алексея закрипела железная дверь, и ответить он не успел. Шагнув в сторону, он вовремя убрался с дороги Бороды, что ввалился в коттедж с железной трубой наперевес.

– Леша, дверь, – бросил он, шагая по паркету. – Саня, твою дивизию, ты где должен быть?

Кобылин, бросившийся закрывать дверь, услышал лишь невнятное бормотание парня с карабином, что начал путано оправдываться. Наружная деревянная дверь закрылась без проблем, а с внутренней пришлось повозиться. Кобылин потянул ее на себя, но засов удалось задвинуть, лишь хорошенько дернув железное чудовище.

Обернувшись, Алексей увидел чудесную картину – Гриша, сжимавший в руках свое чудовищное орудие, что-то строго выговаривал парню с винтовкой. Борода напоминал сильно подросшего и одичавшего гнома – отросшие волосы разлохмачены, борода стоит дыбом, старое кожаное пальто, на пару размеров больше чем надо, свисает до самого пола.

– Температура упала, – рычал охотник. – Саня, я же тебе сказал, следи за котлом! И спрячь свою пукалку, пока никого не подстрелил!

Кобылин потер ладонями застывшие щеки, разгоняя кровь. Только сейчас он почувствовал, как тепло в доме. Не то что тепло, скорее жарко. Онемевшие руки и щеки уже начало щипать, и Кобылин понимал, что это только начало. А Борода все продолжал орать на парня, у которого уже даже шея налилась кровью и покраснела.

– Гриша, – позвал он, отнимая руки от лица. – У тебя тут баня есть?

Борода, поперхнувшись посреди очередной тирады, резко обернулся к другу и вытаращил глаза.

– Баня? – зловещим шепотом переспросил он.

– Да, она самая, – безмятежно отозвался Кобылин, отряхивая снег с колен. – Знаешь, с веничком там, с камешками...

– Баня, – севшим голосом обреченно повторил Борода.

– Всю дорогу о ней думал, – признался Кобылин, поглядывая на Саню, застывшего с открытым ртом. – А то запсел я на этих чердаках. Еду и думаю, значит, как мыться буду. С березовым веничком и мочалкой, это чтоб обязательно, в приказном порядке.

Григорий медленно выдохнул, запустил лапу в бороду, а потом заржал.

– Кобылин, – прорычал он, подходя ближе и обнимая его за плечи свободной рукой. – Леха! Вот за что тебя люблю, так это за оптимизм.

Охотник похлопал друга по плечу и ухмыльнулся.

– Рад тебя видеть, Гриша, – сказал он. – Живой и при деле. Ну, рассказывай, что тут за фигня творится?

Борода сразу помрачнел, перестал улыбаться и нервно забарабанил пальцами по длинному стволу своего орудия.

– Вот что, – наконец сказал он, скидывая с плеча лямку и сгружая огнемёт на пол, словно простой вещмешок. – Давай сначала дело, потом разговоры. Саня!

Здоровяк, судорожно сжимавший карабин, вздрогнул, как от удара. Его оттопыренные уши сияли алым, как стоп-сигналы, но при этом парень хмурился – видно, не привык выслушивать нравоучения.

– Что? – басом осведомился он.

– Прошу тебя, сходи в подвал, проверь котел, – миролюбиво произнес успокоившийся Григорий. – А я проведу Алексея по дому да расскажу ему, что к чему.

Саня кинул быстрый взгляд на Кобылина, потом демонстративно пожал плечами, взял карабин под мышку и побрел к винтовой лестнице, что вела, как догадался Алекс, и наверх и вниз.

– Чудовищная планировка, – шепнул Кобылин другу. – Ни на секунду не подумал, что это твой дом.

– Оно верно, – буркнул Борода, проверяя, заперта ли дверь. – Дом этого обормота. И это он во всем виноват.

– В чем? – быстро спросил Кобылин.

– Видишь ли, Леха, – медленно сказал Борода, увлекая охотника за собой. – У нас тут Карачун.

– Это я уже понял, – отозвался Кобылин. – А подробнее?

– Натуральный Карачун, – со вздохом повторил Григорий и, наткнувшись на серьезный взгляд друга, пояснил: – Карачун – это дух холода и тьмы. Этакий злой бог. Это если вкратце, не углубляясь в путаные легенды.

– Так, – произнес Кобылин, оглядываясь на огнемёт, лежащий на полу у входа. – Здесь безопасно?

– Сейчас да, – ответил Григорий. – В дом им не попасть, пока здесь тепло. Уже проверено.

– Злой дух холода и тьмы, – протянул Алексей. – И он не в настроении, как я понял, да?

– Может, и не он, – задумчиво протянул Григорий. – Но в целом что-то похожее. Местный дух, хранитель местности, имеющий отношение к зиме и холоду. Саня, мать его за ногу, своим строительством растревожил, вот этот дух и пошел вразнос. Выпустил мелких тварей, что могут замораживать все вокруг. И заморозил, к чертям, весь поселок.

– Сколько? – отрывисто спросил Кобылин.

– Десять душ – точно, – хмуро отозвался Борода. – Еще семерых я вывел, когда сообразил, что происходит.

– Позавчера началось?

– Да, – Григорий кивнул. – С тех пор сидим тут, поддаем жару и нос не высовываем наружу.

– Значит, они боятся тепла, – пробормотал Кобылин.

– Боятся, – отозвался Борода. – И огня.

– Кстати, где ты взял огнемёт? – спохватился охотник. – Только не говори, что с собой привез.

– Собрал в первый же день, – буркнул Борода. – У этого обормота тут гараж вполдома и мастерская в нем.

– А чего на газу? Не мог горючки намешать?

– А толку-то. Лучше так – быстро и горячо. Отпугивает гаденышей на раз. Они не материальные, горючка к ним не прилипнет, а вот полоснуть огоньком – это им как серпом по...

– По чему? – с живым интересом осведомился Кобылин.

– В том-то и дело, не по чему, – с огорчением признался Борода. – Давай сюда.

Григорий услужливо распахнул перед ним большую деревянную дверь с медной ручкой, и взору Кобылина предстала огромная комната. Вдоль стен стояла бытовая техника – стиральная машина рядом с раковиной, стойка с посудой, два холодильника, столики... Увидев газовую плиту с вытяжкой, Кобылин сообразил, что это кухня. Посреди комнаты стоял огром-

ный круглый стол, за которым сидело четверо человек, закутанных в невообразимое тряпье. Они довольно бодро прихлебывали чай из одинаковых белых пластиковых кружек и о чем-то бубнили. Присмотревшись, Кобылин с удивлением опознал в теплой компании трех старух и одного древнего дедка с седыми усами, тронутыми никотиновой желтизной.

– Это все? – тихо ужаснулся Кобылин.

– Еще сам Саня да Петрович дежурит в гараже, – так же тихо отозвался Борода.

Старики, увидев гостей, загомонили. Говорили быстро, хором, да так, что ничего толком нельзя было разобрать, в основном жаловались, но на что именно – охотник так и не понял. Кажется, на все разом. Кобылин аж попятился под таким акустическим натиском.

– Тихо! – гаркнул Гриша, шагнув к столу. – Хорош бубнить. Давайте еще чайку, грейтесь, пока есть чем.

Кобылин покосился на газовую плиту, на которой горели все конфорки, и тихонько попятился к выходу. Борода тем временем успокаивал вцепившуюся в его рукав старуху – маленькую, сгорбленную, весившую, казалось, не больше птицы. Но из-под вязаной шапки бодро блестели живые глаза, а сухонькая ручка крепко держала рукав кожаного пальто Бороды.

Под шум и гомон Кобылин незаметно выскользнул в коридор. Ему было немного не по себе, он не привык общаться со стариками. Да и вообще отвык уже от людского общества. Он понимал, почему Гриша показал ему людей – их присутствие нужно учитывать, если начнется настоящая охота. Чего он не понимал – почему Борода еще ничего не сделал.

Задумчиво оглянувшись на дверь, за которой рассерженными пчелами гудели старики, Алексей прошелся к самой дальней двери и распахнул ее. Перед ним открылся еще один коридор, что заканчивался широкой железной дверью. Кобылин подошел к ней, толкнул – не заперто. Осторожно приоткрыв дверь, глянул в образовавшуюся щель и удивленно присвистнул.

Огромный гараж был залит белым светом ламп, вкрученных прямо в потолок. Вдоль стен стояли железные шкафы, у широкого верстака, что примостился у дальней стены, были раскиданы грязные тряпки и куски пластика. Дверь гаража, что должна была уходить вверх, сейчас была плотно закрыта, но прямо перед ней стояла большая черная машина. Огромный джип, в который, по мнению Кобылина, можно было без проблем запихать десяток человек. Рядом с машиной, прямо на полу, сидел еще один старик. Привалившись спиной к блестящему боку машины, он сладко спал, громко похрапывая.

Заслышав шаги за спиной, Кобылин резко обернулся, но потом, услышав знакомое шарканье, расслабился. Борода все еще сильно хромал при ходьбе, и его походку Алексей давно научился узнавать.

Когда Гриша, сопя и отдуваясь, вывалился из двери, Кобылин прижал палец к губам – мол, не буди деда. Борода кивнул, подошел ближе и зашептал в самое ухо охотника:

– Умаялся Петрович. Ему бы с остальными сидеть, но очень уж в бой рвался, старая пехота. Пристроил вот его, как мог.

– Понятно, – сдержанно отозвался Кобылин и ткнул пальцем в джип: – Машина на ходу?

– А то, – буркнул Гриша. – Новый «Чероки». Пять и семь литров объем движка, полноприводная трансмиссия, пневмоподвеска, что может поднимать тачку на четверть метра вверх, увеличивая дорожный просвет. Машина – зверь.

– А чего людей не вывез? – тихо осведомился Кобылин. – Все бы влезли.

– Ворота, – отозвался Борода. – Надо открывать гараж, прикрывать его со двора, потом ворота. Это тебе повезло, что за тобой один погнался. Если все трое навалились бы, я за всеми не поспел бы. Вот и народ в одиночку не получается прикрыть. С моей ногой особо не побегаешь, а тут ловкость нужна, по снегу-то скакать.

– Ясно, – вздохнул Кобылин, – чего не позвонил?

– Не работают тут мобильники. Вообще плохо берут из-за линии передачи, а неделю назад вовсе перестали – видать, сгорел тут какой-то усилитель, или как эта хрень называется? А городских линий сюда не тянули никогда. Никому не надо.

– И на что ты надеялся?

– На тебя, Леша. Знал, что ты придешь.

Кобылин невесело усмехнулся и покачал головой. То, что он оказался здесь, – невероятное стечение обстоятельств. Если бы не призрачная манящая баня...

– Мог бы и не дожидаться, – сказал он. – Об этом думал?

– Думал, – признался Борода. – Да ничего не надумал. Был тут у нас еще один мужик, типа местного председателя. Смелый такой. Решил не дожидаться помощи, а рвануть в город. Дал ему ключи от своей шопы, она у меня мороз без проблем переносит. Вот этот дурик, что все мозги мне выел, и рванул за помощью. Не встречал?

– Встречал, – сдержанно отозвался охотник. – У ворот. В твоей тачке.

– Понятно, – буркнул Борода, отводя взгляд. – Так я и думал.

– Ну, вот я и здесь, – сказал Кобылин. – Дождался ты меня, поздравляю. Что будем дальше делать?

– Есть одна задумка, – шепотом признался Борода. – Посадить всех в тачку, прорваться к воротам и рвануть подальше отсюда. В городе сдать всю богадельню, кроме моей Марфы, и раствориться в лучах заката, так сказать.

– Марфа? – удивился Кобылин. – Какая Марфа?

– Сестра тещи, та самая, – со вздохом отозвался Борода. – Теща-то давно преставилась, царство ей небесное. Жена в Питере, наукой все занимается. А Марфу стало некому навещать. Вот моя гримза-то из Питера мне и накапала, что, мол, надо старушку вывезти из этих ебеней да отправить к ней.

Кобылин, который почему-то уверился, что родственница Гриши не пережила нападение зимы, лишь покачал головой.

– Вот ведь, – сказал он. – Это та сухонькая, что за рукав тебя цапнула?

– Она и есть, – отозвался Гриша. – Та еще бабка, кого угодно до смерти заговорит, хоть на поле боя ее выпускай, в качестве оружия массового поражения. Сама из ближайшей деревни, жила там, пока деревенька не вымерла во время перестройки. Потом вот тут ей домик организовали.

– Кстати, о домике. А тут можем отсидеться? – спросил Кобылин. – Долго эти твари лютовать будут?

– Эти ребята до тепла будут яриться, – бросил Борода. – Их только настоящая весна с горячим солнышком разгонит. А до нее еще далеко. Не дотянем.

– А сколько протянем? – осведомился Кобылин, заранее чувствуя, что ответ ему не понравится.

– До сегодняшней ночи, – невозмутимо отозвался Борода. – В подвале отопительный котел на мазуте. Горючка кончится сегодня ночью. Дом начнет остывать, а когда совсем вымерзнет – они придут. По ночам они в самую силу входят, так что до утра, боюсь, никто не доживет.

– Чудненько, – буркнул Кобылин, задирая рукав и глядя на часы. – У нас, значит, есть еще часов шесть светового дня. Значит, должны поторапливаться.

– Должны, – согласился Борода. – Думаешь, пора начинать?

– А чего kota за хвост тянуть, – отозвался Алексей. – Собирай народ. Будем грузиться и пойдем на прорыв. Огнемет у тебя один?

– Два, – с гордостью отозвался Борода. – Вернее, большой один, но тут есть еще пара забавных мелочей...

– Я тут пороюсь по шкафам, – сказал Кобылин. – А ты давай, собирай народ. Пусть укутаются теплее, да еще надо машину прогреть.

– Идет, – согласился Борода и, глянув в спину Кобылину, что пошел к шкафам с инструментами, тихо добавил: – Ну, понеслась вода по трубам.

* * *

Пока Борода развивал бурную деятельность по доставке престарелого батальона в гараж, Кобылин отошел в дальний угол, к верстаку, и провел инвентаризацию своего имущества. С большим наслаждением вытащил из-за пояса дробовик, что чуть не проделал ему в боку дыру, и отложил в сторонку – два заряда серебряной картечи, это несерьезно. Потом скинул с плеча изрядно похудевший рюкзак и нахмурился: оказалось, что через большую прореху высыпалась вся мелочовка, не закрытая в карманах. Осталось только свежее белье, консервы да пяток железных, кованных в кузнице костылей, походивших на огромные гвозди. Этим каленым железом сподручно было гонять разную нечисть, но Алексей сомневался, что они помогут справиться с духами холода. Мыло, кофе и зубная щетка сгнули без следа. Так же без следа сгнули несчастный «макаров» с глушителем и пустая запасная обойма к нему.

Вздыхнув, Кобылин обшарил рюкзак и распахнул по карманам мелочь – пару зажигалок положил поближе, в нагрудный карман. Это сейчас было самое ценное. Потом задумчиво оглядел ворох одежды, воровато глянул на приоткрытую дверь в гараж и принялся переодеваться.

Когда дверь распахнулась и в гараж, охая и бормоча, вывалились две старушки, обмотанные теплыми зелеными платками, Кобылин успел надеть пару дополнительных маек, натянуть теплые кальсоны и напялить все три пары носков.

Появившийся следом дедок вел под руку еще одну бабульку, в мохнатой, словно взбешенная собака, шапке. Следом, подбадривая их, шел Борода, ведя за собой на буксире свою родственницу. Гриша был на высоте – управлялся с богадельней как настоящий педагог – и ласково, но настойчиво погнал всю компанию к джипу.

Алексей, сунув свой дробовик за спину, в дыру в подкладке, быстро подошел к шумной компании и осторожно взял за локоть Марфу. Обернувшись Бороде он кивнул – не мешай. Тот пожал плечами и постарался успокоить проснувшегося от шума Петровича. Кобылин же ловко увлек хрупкую старушку к верстаку, подальше от гомона.

– Баба Марфа, – тихонько сказал он. – Ты же здесь давно живешь?

– Давно, – не стала отпираться старушка, сурово поглядывая на собеседника из-под разросшихся седых бровей. – Всю жизнь, почитай, в этих краях и провела. И до немцев тут была, и опосля...

– Что ж это за напасть-то? – перебил ее Кобылин. – Что стряслось-то тут?

– Разбушевался, ирод, – буркнула Марфа, отводя взгляд. – А я говорила, уже я говорила Ильиничне, не доведет нас до добра этот хмырь, ой не доведет!

– Кто? – опешил Кобылин. – Карачун?

– Санька этот, – отозвалась старуха. – Шебутной пацан. Как затеял стройку, я сразу сказала: жди беды!

– А что Санька? – небрежно осведомился Алексей. – Он-то тут при чем?

– А он и разбудил лешего, – просто ответила Марфа, хрустнув длинными худыми пальцами. – Затаял стройку да и разбудил, хрен ему в ухо.

– Лешего?

– Ой, ну не лешего, как его Гриша-то кличет – карачун. Раньше, бывало, зимой баловали его детки-то, студенты. Те, что бегают нонче по дворам. Как-то давно, до войны еще, соседнюю деревню выморозили, ироды. А потом как купель-то засыпали комуняки, так и забыли все, а я говорила...

– Что за купель? – перебил Кобылин, слыша, как за спиной нарастает шум.

Ему хотелось обернуться, посмотреть, что там происходит, но он боялся спугнуть удачный разговор.

– Дак родничок-то в лесу. Дыра в земле, в ей ключ ледяной. Там леший-то зиму и проводит. Ручеек оттуда течет, потому нашу деревню Родничком и звали. Когда провода тянули, засыпали дыру-то. Едва-едва струйка сочилась. Думала, ушел леший. А он, ирод, поглубже, видать, закопался да заснул. А тут вона как обернулось.

– А Саня тут при чем? – спросил охотник.

– Да он неделю назад туда трубу протянул, к ручейку. Анализацию наладил, значит. Пусть, говорит, все смывает. Раскопал землю мерзлую, раздолбал все и трубу говняну со своего дома туда спустил. А оно ж теплое от дома гомно-то идет, все и растопило, че он раскопал.

– Во как, – задумчиво произнес Алексей, наконец понимая, куда разговор клонится. – Саня, значит. А что, баб Марфа, студены эти, чем их усмирить-то?

– Да ничем, милок. Летают шарики таки светлячие, а ничем их не взять. Пробовали мужики-то наши, не раз. Огня боятся да тепла – да про то я Григорию говорила уж.

– А что ж делать, бабуль? Как справиться с ними, как Карачуна победить?

– А и выходит, что никак, – старуха покачала головой. – Когда злится он, главное, тепла дожидаться. Тогда студены спать залягут, до следующей зимы и не высунутся. Они же глупые, как пчелы. Растревожили – летают, ярятся, а поспят – и забудут. Они не люди, обид не помнят.

– А Карачун сам, он что? – жадно спросил охотник. – Каков он?

– А никто и не знает, милок. Сидит он в своей яме да оттуда стужу зимой пускает. Вишь, разбудили его в этом году, и снега тут по колено стоят, хоть и весна. Теперича до самого лета снег таять не будет.

– Значит, сам не показывается, – Кобылин хмыкнул. – А если обратно яму зарыть, что будет?

– А пес его знает, – бросила старуха. – Может, опять уснет, как при комуняках было. Тогда закопали – и помогло. Правда, то летом было. Кажись, летом. Ну точно, летом, тогда еще мы жили на хуторе, а Манька в город подалась, чтоб ее...

– Понял, бабуль, спасибо, – быстро бросил Кобылин. – Ты ступай к Грише. Сейчас прокатимся на машине, уедем подальше от этих мест.

– Куда там, – забормотала старуха. – Куда этой телеге супротив «газика»-то...

Но Кобылин уже не слушал. Развернувшись, он быстрым шагом пошел к джипу, у которого собралась целая толпа. Старики и старухи стояли у открытого багажника, что-то бубнили, но что – не было слышно. Над всем царил голос Сани, что, вернувшись из подвала, обнаружил у себя в гараже всю компанию и накинудся на Бороду.

– Не дам! – орал он, размахивая ружьем, как дирижерской палочкой. – Не дам гробить! И добро не брошу! Не смей никуда дергать, пока не соберу...

Борода, стоявший перед ним, что-то успокаивающе гудел – тихим, ласковым тоном, каким разговаривают с разозленной собакой, стараясь ее успокоить. Алексей же прибавил шаг – ему не нравилось, что этот тип орет во весь голос, не нравилось, что его шея залилась румянцем до самого стриженного затылка, не нравилось и то, как он машет заряженным оружием. Он чувствовал: еще миг...

Сделав длинный шаг, Кобылин бесшумной тенью вырос позади Санька, легким движением перехватил карабин и одним махом вывернул его из потной руки. Хозяин дома резко обернулся, но Алексей коротко ткнул его прикладом под дых, а когда Саня впечатался в черный борт своего новенького джипа, вскинул карабин и сунул ствол прямо в покрасневшее лицо хозяина машины.

– Сучара, – прохрипел Саня, пытаясь оттолкнуться от борта. – Да я тебя...

– Заткнись, – резко бросил Кобылин, вдавливая ствол в щеку парня, да так, что его голову прижало к стеклу. – Замолкни, быстро.

Саня что-то прохрипел, но Кобылин глянул на него поверх ствола – холодно, остро, как смотрел обычно на нечисть во время охоты, прежде чем спустить курок. И хозяин дома, поймав этот взгляд, подавился очередным проклятием. Даже старичье, пытавшееся участвовать в сваре, испуганно примолкло, почуяв неладное.

– Леха, Леха, – тихо позвал встревожившийся Григорий, прекрасно знавший своего друга. – Не спеши.

– Смотри на меня, – резко выдохнул Кобылин. – На меня смотри!

Саня, скосив глаза, с тревогой глянул в белое, заострившееся лицо охотника, что в мгновение ока из простецкого паренька превратился в серийного убийцу.

– Больше ни слова, – сказал ему Кобылин. – Ты права голоса не имеешь. Делаешь что скажут, и быстро, если хочешь выйти из этого дома живым.

– Лех, – позвал Борода. – Ты уж это...

– Знаешь, что он сделал? – бросил Кобылин. – Он в прямом смысле насрал в спальню местного Деда Мороза. А тот, понимаешь ли, обиделся немного. И взялся убивать всех, до кого дотянутся его долбаные снежинки-снегурочки.

– Вот зараза, – тихо крикнул Гриша.

– Именно, – выдохнул охотник. – Слушай меня, парень. Из-за тебя умерло как минимум десять человек, а все мы теперь в глубокой ледяной жопе.

– Я не знал, – сдавленно булькнул враз побледневший Саня. – Не хотел...

– Знаю, – отрубил Кобылин. – Сейчас мы с Гришей возьмемся за нашу работу и будем вытаскивать отсюда народ. Тебя мы тоже вытащим, хотя, на мой взгляд... Ладно, не важно. Мы будем рисковать жизнью, чтобы хоть немножко исправить твою ошибку. И ты, если не дурак, дашь нам сделать нашу работу, а сам будешь быстро и без лишних слов выполнять все, что мы тебе скажем. Тогда, возможно, ты выберешься из этого ледяного ада живым. Понял?

– Да я это, – всхлипнул Саня. – Этого...

– Не слышу! – бросил охотник, дернув карабином.

– Понял! – отчаянно крикнул парень, и его уши снова зарделись. – Ну не знал я, мужики, честно ведь не знал! Я же не нарочно!

Старики тут же загудели, подтверждая, что, мол, никто правда не знал, а Саня, он парень-то ничего, соседям помогает, вот давеча, например...

– Тихо, – бросил Кобылин, опуская карабин.

Санек осторожно отодвинулся в сторонку, не сводя испуганного взгляда с охотника. Старичье же загудело еще громче, и Борода что-то сказал Петровичу, а тот ему ответил...

– Тихо, вашу мать! – гаркнул со всей силы Кобылин.

В наступившей тишине что-то торопливо забормотал Петрович, но Григорий схватил его за плечо, и старик умолк. И только тогда, когда в огромном зале повисла звенящая тишина, стало слышно, как где-то далеко, наверху, что-то тихо потрескивает. Тихо-тихо – как дерево в лесу, схваченное крепким морозцем.

– Что наверху? – шепотом бросил охотник Грише.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.